

Солнце цвета льда

Автор:

Дмитрий Казаков

Солнце цвета льда

Дмитрий Львович Казаков

Солнце севера #5

Конунг Ивар Ловкач и его дружина снова в деле.

На этот раз им предстоит отправиться на север, чтобы узнать, что стало причиной угрожающих всему миру напастей: тролли нападают на людей, бури обрушиваются на побережье, меж правителей царят свары, а из глубин моря явился потревоженный Мировой Змей...

Боги не в силах справиться, и за дело приходится браться викингам.

Дмитрий Казаков

Солнце цвета льда

© Дмитрий Казаков

* * *

Глава 1. Тинг

Меч свистнул, едва не срезал прядь с виска. Лицо обдало холодком, Ивар рывком ушел в сторону, убирая плечо из-под удара. И тут же, пользуясь тем, что противник раскрылся, атаковал сам – выпадом в живот, чтобы вмять кольчугу в кишки врага...

Аудун Носатый с издевательской легкостью отбил атаку, клинки звякнули.

Последовал новый удар, еще и еще, Ивара развернуло так, что он увидел своих дружинников. Заметил беспокойство на лице Ингьяльда, ленивый зевот Нерейда и легкую заинтересованность на физиономиях остальных.

Они не раз видели, как сражается конунг, и были уверены, что он победит.

Сомнения, похоже, оставались только у Ивара – Аудун Носатый выше на полголовы, руки длиннее на ладонь, опыта походов и боев ему не занимать, а самое главное, что он моложе лет на десять...

А сражаются они давно, посеченные щиты отброшены в сторону, и дело решит даже не воинское умение, не удача и благоволение Одина, а то, у кого окажется больше выносливости и дыхания.

Ивар отбил очередной удар, кисть занемела.

«Если не закончить бой сейчас, скоро я выдохнусь» – подумал он.

Сделал стремительный выпад, Аудун поверил, приготовился его отражать, повел меч в сторону. Но Ивар в последний момент сменил направление удара, и резанул по запястью той руки врага, что держит клинок.

И без всякой паузы ткнул вверх, в горло.

На этот раз ошеломленный болью от раны Аудун не успел ни закрыться, ни уклониться. Острие меча насадило на себя кадык, словно яблоко, Носатый захрипел, изо рта его хлынула кровь.

Ивар выдернул меч и отступил на шаг, чувствуя, как дрожат от усталости колени, как горячий пот течет по лицу и спине.

– Ничего, еще могу, клянусь задницей Фенрира, – прохрипел он, глядя, как Аудун падает наземь.

– Чрево Фригг! – полный удивления и злости вскрик донесся оттуда, где ждали исхода схватки дружинники Носатого.

– Что-то долго возился, – презрительно бросил Нерейд. – Я бы этого хилака одной левой уделал.

Ивар отогнал желание погрозить кулаком рыжему насмешнику, и отправился в ту сторону, где стояли хмурые и мрачные воины Аудуна. Миновал отмеченную ольховыми прутьями границу поля для поединка и остановился перед могучим седоголовым воином в вороненой кольчуге.

Перед Сигвартом Быком, давним соратником и помощником Носатого.

– Все было честно, согласно воле Одина и светлых асов, без колдовства и обманных уверток, – сказал Ивар, глядя в синие, налитые злобой глаза Сигварта. – Ваш конунг пал, ныне пьет пиво у престола Видура, и наш с ним спор окончен.

Раздор между двумя вожаками викингов возник три года назад, когда они столкнулись на Оркнейских островах. Ивар Ловкач первым привел корабль в удобную бухту, Аудун Носатый явился позже, но заявил, что всегда пользовался этим местом для стоянки и не намерен уступить.

Схватки не случилось только потому, что началась буря.

Потом они сталкивались еще несколько раз, и никогда дело не доходило до боя корабль на корабль. И когда прошлой осенью два морских конунга оказались в Бьёргуне одновременно, было выбрано место и время для поединка – в заливе Сольфьялль за три дня до начала тинга во Фросте.

Рядом нет селений, и поэтому никто не помешает схватке, а в заливе достаточно места, чтобы двум драккарам причалить, не толкаясь бортами. Сражаться решили один на один, дабы стало ясно, у кого больше удачи, и кому благоволит Отец Ратей.

– Воистину так, разорви меня тролли, – прорычал Сигварт, хотя ему, судя по глазам, больше всего хотелось выхватить меч из ножен.

Но оспаривать результат честного боя, идти против решения Херьяна станет лишь безумец.

– Вы вольны выбрать нового конунга, – продолжил Ивар, – и если он захочет скрестить со мной клинки, то я всегда готов. Но сейчас нам пора. Удачи вам, и да пребудет с вами милость богов.

– И с тобой, – проговорил Сигварт через сжатые зубы.

Ивар кивнул ему, развернулся, и зашагал к своим.

Они все смотрели на конунга – молодые викинги с обожанием и восхищением, более спокойно те, с кем прошел десятки битв, множество походов, побывал в Багдаде и Теночтитлане, сражался с рыцарями Бретланда, неистовыми русичами, кровожадными ацтеками, чудовищами и колдунами.

Нерейд, как обычно, ехидно ухмылялся, Даг был не замечен, Рёгнвальд и Гудрёд стояли рядом, создавая впечатление, что у тебя двоится в глазах, Кари занимал место, предназначенное для двоих или даже троих людей, а Ингьяльд рассеянно смотрел в сторону.

Он, как и положено многомудрому эрилю, мыслил о высоком.

– Чего замерли? – спросил Ивар, надеясь, что молодые воины не видят, насколько тяжело дался ему этот бой. – Быстро к кораблю, и отходим, или вы решили остаться здесь на все лето?

– Да ну его, чего тут делать? – Нерейд махнул рукой. – Поминки по врагу, конечно, дело веселое, да вот только нам там вряд ли нальют пива.

– Не зли ты их, – Ивар глянул в ту сторону, где воины Носатого поднимали с земли труп предводителя. – А то, клянусь всеми валькириями, Бык атакует нас прямо здесь, или попытается перехватить на воде.

Нерейд, получивший кличку «Болтун» еще в молодости, и с годами не выучившийся держать язык за зубами, скорчил жуткую физиономию, подвигал бровями, но промолчал – хорошо знал, когда на приказ конунга можно отшутиться, а когда нужно подчиняться без лишних слов.

Рявкнул что-то сердитое Гудрёд, прозванный Меченым за шрам на лбу, молодые воины уперлись в черные от смолы борта. Новый, выстроенный только два года назад драккар закричал, точно спешащий к отхожему месту старик, и начал потихоньку сползать в серо-стальные воды Трандхейм-фьорда.

– Значит, так и не подеремся, – разочарованно вздохнул Кари. – Ну и ладно...

Ивар, как и положено конунгу, перепрыгнул через борт последним, занял место на носу. Гудрёд заработал рулем, загрохотали весла, берег принялся понемногу удаляться, а корабль пошел в поворот.

Когда встали под ветер, хлопнул поднявший парус, белый, украшенный красным кругом солнца, Кровавым Глазом, точно таким же, что красовался над драккаром конунга Хаука Льда...

Семнадцать лет назад, когда Ивар впервые взял в руки меч и вышел в море.

– Кажется, обошлось, – пробормотал он, когда они выбрались из залива Сольфьялль, и корабль Аудуна Носатого исчез из виду.

Только после этого конунг убрал меч в ножны.

Гудрёд правил уверенно, лопотала под килем вода, драккар переползал с волны на волну и шел в сторону Фросты, куда через три дня съедутся ярлы, херсиры и просто знатные бонды со всего Трандхейма.

Ивар спрыгнул прямо в волны, полетели брызги, осели на лице.

Немного воды попало за голенища сапог, но он не обратил на это внимания, поспешил к берегу, туда, где на пригорке нетерпеливо подпрыгивал высокий, поперек себя шире мужик с рыжей бородищей, с мечом у пояса и в дорогом, подбитом куньим мехом плаще.

Флоси Огненный Мох, один из богатейших бондов долины Верадаль, и побратим Ивара.

– Привет, дружище, ха-ха! – заорал он, стоило конунгу оказаться на суше. – Рад тебя видеть! Давай, вытягивай свою лодчонку, и пойдем пить пиво, я его знаешь, сколько привез, ха-ха!

Не успел Ивар вставить хотя бы слово, как получил удар по плечу, от которого затрещали кости, а затем его стиснули в объятиях, несомненно дружеских, но очень крепких.

– Почти все тут, поberi их Хель! – продолжал сыпать словами Флоси. – Из Северного Мёра, Спарбюггвы, старый Гудмунд из Эйны. А где Арнвид, лысый козел, и почему ты не привез сыновей?

– Старый эриль остался дома, – сказал Ивар. – Решил, что нечего зря ездить – от вас все равно ни единого умного слова не услышишь. Младшие сыновья еще малы, а Ивар Младший и Гелмир тут, на драккаре. Мы...

– Бери их, и пойдем выпьем, ха-ха! – прервал собеседника Огненный Мох.

– Нет, – Ивар покачал головой. – Надо разгрузиться, обустроиться, и только потом можно по пиву.

Тинг во Фросте проводился на обширной равнине, отделенной от прочей суши полукружьем холмов. Сам поселок находился севернее, на другой стороне небольшого залива, и, чтобы добраться до него, нужно было перейти неширокий, но быстрый и бурный ручей.

Равнина была изрыта землянками, виднелись бревенчатые крыши, старые, покрытые мхом и травой, совсем провалившиеся, или новые, чистые. Между ними ходили люди, там и сям поднимались дымки, доносились разговоры и смех,

ближе к холмам паслись лошади. На берегу лежало несколько кораблей, в основном шнек, хотя виднелся и драккар, почти такой же большой, как у Ивара.

– Скучный ты, разрази тебя Мьелльнир, – заявил Флоси. – Ладно, дружище, я, если что, на обычном месте...

Он еще раз хлопнул конунга по плечу, и затопал прочь.

Вскоре зычный голос Огненного Мохы донесся оттуда, где пылал самый большой костер, и следом долетел взрыв смеха.

– Так, чего спим? Еще не вечер, и рановато для саг, стихов и доброго пива, – сказал Ивар, повернувшись к кораблю. – Гудрёд, на тебя разгрузка, мы пойдем, посмотрим, что с нашей землянкой. Нерейд, Ингьяльд, вы со мной, Гелмир и Ивар Младший – тоже, так что переодевайтесь.

Это в море, на борту драккара можно носить рваную рубаху и грязные штаны, здесь, на тинге положено ходить в самом лучшем, показывать всем, что ты силен, богат и не обделен удачей.

Молодой эриль повесил на пояс длинный меч, некогда полученный в дар от правителя Нордмандии Хрольва Пешехода. Нерейд вырядился настоящим щеголем, ну а Ивар придирчиво осмотрел сыновей – по молодости могут забыть что-то или наоборот взять лишнее...

Ивар Младший пошел не в отца и не в мать, а в деда, Аки Золотая Борода, и обладал таким же бешеным нравом. В свои семнадцать выше отца, а шириной плеч его превзошел, зато в быстроте рук и разума уступает, хотя хитростью боги его не обделили.

Второй, Гелмир, куда спокойнее, всегда думает, прежде чем что-то сделать или сказать, и его, несмотря на юные годы, можно и к рулевому веслу поставить, и важное дело доверить, и других людей.

– Готовы? – спросил Ивар, убедившись, что все в порядке. – Пошли.

Сам нацепил то, что положено носить морскому конунгу – вальский плащ из серой ткани, красные сапоги, что изготовлены в Гардарики для тамошних князей, на поясе меч, какого нет больше ни у кого в Северных Землях, подарок сидхе, древних обитателей Бретланда.

На лоб, чтобы придержать волосы – золотой обруч с небольшим изумрудом.

Его добыли во время давнего плавания в Миклагард, когда драккаром правил еще Хаук Лед.

– Привет тебе, Ивар! – окликнули конунга от ближайшего костра, и он кивнул в ответ.

Всех он тут знает, и все знают его – заносчивые бонды из Стъорадаля и Кьёля, чье богатство в стадах, воинственные херсиры из Ирьяра и с острова Сольскель, что каждый год отправляют корабли в набеги, а то и сами пускаются на юг, грабить и разорять чужие земли. Все умеют и работать так, что развязывается пуп, и сражаться не хуже берсерков, каждый скорее будет жрать камни, чем даст себя в обиду.

Поэтому тяжбы и споры на тинге обычное дело, а иногда, хотя и очень редко, дело доходит до драки.

Обнажать клинки тут запрещено, ножны всех бондов и явившихся с ними воинов украшены «завязками мира», но кулаки ничем не обвяжешь, да и плотницкий топор в умелых руках – страшное оружие.

Врагов в Трандхейме у Ивара не было – с ним предпочитали не связываться, понимая, что зря задирать морского конунга себе дороже, да и он сам вел дела так, чтобы не обижать соседей, ведь только светлые асы знают, когда тебе понадобится помощь ближних бондов.

Он отвечал на приветствия, кивал, но без улыбки, с достоинством, как положено.

Нерейд шагал следом, свирепо глядел по сторонам, ухмылялся хищно, как рыжий, опытный, но еще сильный волк. Рядом с Болтуном шел Ингьяльд, огромный и задумчивый, глядел куда-то в сторону, на поясе болтался

украшенный рунами мешочек, какой носят только эрили.

Сыновья, как и положено младшим, держались позади.

Они миновали землянку бонда Торлейва Трехногого из Медальхуса, и стала видна их собственная. Ивар спустился по сгладившимся за год ступенькам, толкнул покосившуюся дверь. Та заскрипела, с трудом отошла в сторону, и в нос конунгу ударил запах сырой земли.

Внутри царила тьма, сквозь дымоход проникал слабый свет, и видно было, что крыша у правой стены провалилась, засыпав лежанки, а в земляном полу появились ямы.

– Ну чего, как там? – спросил Нерейд.

– Как всегда, – ответил Ивар. – Придется засучить рукава и призвать на помощь Вингниса...

В костер полетело целое бревно, и пламя взревело, выбросило вверх, в темно-синее небо, сноп оранжевых искр.

– Ну, за встречу! – заорал Флоси Огненный Мох так, словно рядом с ним сидели одни глухие.

– За встречу, – ответил Ивар, поднимая кружку, в ней плеснуло, по стенкам поползла белоснежная пена.

Пиво Флоси варил отменное, чистое и крепкое, и славился этим на весь фюльк.

Позади остался заполненный хлопотами день, настало время повеселиться, выпить и поделиться новостями, как и положено почтенным мужам. Костер развели рядом с приведенной в порядок землянкой Ивара, и вокруг собрались воины конунга, а также те, кто пришел с Огненным Мхом.

На корабле Гудрёд и еще пятеро воинов – на всякий случай, чтобы присмотреть за добром.

– Эх, хорошо! – воскликнул Флоси, опрокинув кружку в себя, и ухватил копченую селедину.

Затрещали на крепких зубах кости, полетела в пламя оторванная голова.

– Хорошо-то хорошо... – вздохнул сидевший рядом с Иваром бонд из долины Наумудаль, что заглянул на огонек. – Да только зиму эту мы едва пережили... Таких морозов я не помню, хоть и прожил немало. Земля до сих пор как камень, хотя снег уже сошел.

Наумудаль расположен на самом севере Трандхейма, на границе с Халогаландом, но сильные холода и там редкость, за ними надо отправляться дальше вдоль берега, куда-нибудь в Финмёрк, где зимой не восходит солнце, а море порой закрывают сплошные льды толщиной в человеческий рост.

– Ничего, оттаает, – сказал Ивар.

– Оттаает-то оттаает, да только поздно, – проворчал бонд. – Сам знаешь, что у нас лето короткое. Чуток опоздал, можно и не сеять – не вызреет. Да и скотина жира нагулять не успеет. Второй год уже так, видит хозяин Ноатуна, его милостью только и спасаемся.

С другой стороны костра, где пили пиво простые воины, донесся взрыв хохота – похоже, Нерейд закончил рассказывать одну из историй, от которых надрывали животы даже самые мрачные викинги.

– Не понял, как это, – донесся мощный голос Кари. – Почему сползла?

На этот раз заржали еще громче, кто-то не выдержал, свалился на спину и задрыгал ногами.

– У нас морозов не было, зато волки, – сказал покончивший с селедкой Флоси. – Представляешь, среди бела дня по улицам Стикластадира разгуливали? Сколько народу задрали, и не только детей или стариков, а и кое-кого из мужчин. А на востоке, в Ямталанде, с ними еще хуже, я слышал.

– Да, неладно что-то в датской земле, – пробормотал Торстейн Молот, морской конунг, хозяин драккара, замеченного Иваром еще днем.

Сам родом с юга, из Согна, и на тинге оказался лишь потому, что вынужденно зазимовал в Трандхейм-фьорде. Не успел увести корабль на родину и решил заглянуть во Фросту, поучаствовать в одной из тяжб, что будет разбираться завтра.

– А там что? – Флоси рыгнул, потянулся к бочонку, чьи бока лоснились в свете костра.

– Это я так, к слову, – Торстейн почесал светлую макушку. – Хотя конунги в Хлейдре последнее время меняются чаще, чем погода на море, за последние два года их было уже три...

Огненный Мох встряхнул бочонком, и Ивар подставил кружку.

Пили они давно, пиво развязало языки, отогнало усталость, но не принесло веселья. Слишком уж дурные вести приходили со всех сторон – в Конунгахелле пожар, в Рогаланде и Эйстридалире на людей нападали тролли, чего не случалось очень много лет, у побережья бушевали бури, хотя им пора бы закончиться.

Зима в долине реки Гауль, где находилась усадьба Ивара, прошла спокойно, разве что снега были уж слишком обильными, и поэтому реки вздулись куда сильнее, чем обычно.

– Нужно принести жертвы богам, – сказал бонд из Наумудаля, – и не такие, как обычно, а по завету предков.

– Человеческие? – спросил Ивар. – Думаешь, помогут?

– Конечно, – бонд убежденно затряс головой, и одобрительно заворчал Торстейн Молот.

Ивар вовсе не был уверен, что если убить во славу Одина девять рабов из разных племен и девять животных всякого вида, то напасти мгновенно прекратятся.

Он видел страны, где людская кровь потоками текла на жертвенники, да вот только тамошние обитатели жили ничуть не лучше, чем в Северных Землях.

– Всех асов не забудем, – продолжал распинаться бонд. – Один и Фригг, Тора и нашего отца Хеймдалля, Фрейю и Фрейра, и тогда отгонят они беду от нас, уберегут от несчастий.

– Да ерунда это, – Флоси махнул ручищей. – На Асгард надейся, а сам не плошай, видали мы времена и похуже...

Вот тут Ивар подумал, что Огненный Мох привирает – последние три года выдались очень трудными, рыба не шла в сети, поля родили плохо, обвалы, бури и пожары случались там, где их ранее никогда не видели, и раздоры царили меж людей, словно и вправду наступил час Рагнарёка.

Обычные жертвы не помогали, асы не отвечали на воззвания жрецов, и даже руны не давали ответа, что же происходит.

– И увидим похуже, – сказал он. – Вот придет «великанская зима»... а пока наливай!

Одно ясно – нечего слезы лить и горевать раньше времени, пока ты жив, есть шансы исправить все, что угодно, и неважно, самому ли, с помощью соратников или богов.

– Вот это дело! – широкая физиономия Флоси расплылась в ухмылке. – Эй, парни, подставляй кружки!

Сыновья Ивара пили и говорили мало, больше слушали, и по сторонам глазели. Видно было, что Младшему хочется пива, и лучше бочонок в одно рыло, но он в присутствии отца сдерживался.

Гелмир же и вовсе хмельного не любил.

– Парни подождут! – вмешался Торстейн. – Давай сначала мне, а то в глотке пересохло...

С другой стороны костра донесся восторженный рев – Нерейд хитро поддел кого-то из людей Флоси, тот сидел красный, словно вареный рак, зато остальные потешались вовсю.

Открыв глаза, Ивар обнаружил над собой неровный потолок землянки.

Судя по пробивавшемуся через дымоход свету, солнце давно взошло, снаружи доносились возбужденные голоса. Башка трещала, но не сильно, в животе ворочалось нечто склизкое, будто там поселились лягушки и дружно метали икру. Завершение вчерашнего вечера терялось в пивном тумане, помнилось только, что вместе с Флоси отмечали в гостях завершение какой-то тяжбы...

Тинг закончился, сегодня отплывать домой.

– Проснулся, конунг? – донесся ехидный голос Нерейда. – Ну ты дал вчера жару, я аж обзавидовался.

– Да? – Ивар с трудом сел, в животе квакнуло, а башка закружилась так, что перед глазами потемнело.

Придя в себя, обнаружил, что в землянке, помимо Болтуна, сидят Ингьяльд, Кари и двое сыновей, и что все смотрят с неодобрением, словно он вчера помочился на столб Тора.

– Ага, – Нерейд заухмылялся, мелькнула щербина на месте одного из зубов. – Драться лез с этим, толстым с востока, едва тебя оттащили, потом орал, что немедленно в Миклагард поплывешь, к тамошней императрице...

Ивар смущенно закрихтел.

И вправду уже – сорок лет почти, в шевелюре немало седины, четверо сыновей, внуки скоро будут, а напился, точно глупый юнец, и счастье еще, если вчера не обидел кого-нибудь всерьез.

– И что, толстый виру требует? – спросил он.

– Да не, рад, что жив остался, – сообщил Нерейд. – Будет всем теперь хвастаться, да не один год, что с самим Ловкачом на кулачках переведался, и ничего, даже морду не расквасили...

– Это да, – Ивар глянул на сыновей. – Так, вы дуйте на корабль. Берите остальных, и командуйте погрузку. Мы тут тоже... потихоньку соберемся, с побратимом надо проститься, и можно в море выходить...

Младший и Гелмир поднялись, выбрались из землянки, и только после этого Ивар взял стоявший у лежанки кувшин, припал к горлышку. Когда поставил на место, рубаха на груди осталась мокрой, капли повисли на подбородке, но зато в брюхе стало легче, и голова прояснилась.

– Вот так-то лучше, клянусь кошками Фрейи, – сказал он.

– Ты слышал новости с юга, конунг? – спросил Ингьяльд.

– Это из датских земель? Или про троллей? – Ивар поморщился, пытаясь вспомнить.

Разговоров за последние дни было очень много, новостей столько, что хватит на полгода бесед у очага, и часть успела испариться из памяти, несмотря на то, что времени прошло совсем немного.

– И про это тоже, – буркнул Нерейд. – Обычные люди порой знают больше, чем херсиры и ярлы, а я много с кем пиво пил в эти дни... В Хёрдаланде летом будет междоусобица, в Конунгахелле вскрылся один из древних курганов, и закрыть его смогли не сразу...

– А я слышал про ночных всадниц, что терзают Агдир и Ядар, – вступил Ингьяльд, – туман напускают, наводят порчу и...

Дверь землянки со стуком открылась, вниз сошел Кари, и в не особенно большом помещении стало тесно.

– И вправду отплываем? – пророкотал он.

– Да, – сказал Ивар. – Или ты полагаешь, что мои сыновья могут перевернуть мои слова?

– Ну, это... – берсерк смутился, развел ручищами. – Тогда пойду помогать.

Дружинники пока не привыкли, что порой ими командует не сам конунг или его помощник Гудрёд, а один из отпрысков Ивара, пусть даже не сам, а по воле и поручению отца.

– Давай, иди, – он проводил Кари взглядом, и вновь посмотрел на Ингьяльда. – Ну, и что, порази меня Гунгнир? Я уже и так понял, что в Северных Землях творится много всего нехорошего, и продолжается это не первый год. Но ты можешь сказать, что тому причиной?

– Нет, я... – Ингьяльд смутился, точно подросток при виде красивой девушки – уши заалели крохотными факелами, глаза отвел в сторону. – Руны говорят разное, нельзя их понять...

– А надо у вельвы спросить, – встрял Нерейд. – Той самой, что с Одином беседовала. Наверняка она знает, что за ерунда у нас происходит. Кто-нибудь помнит, где она закопана?

– Тьфу на тебя, – Ивар поморщился, спустил ноги с лежанки, и только в этот момент обнаружил, что спал в сапогах. – Ты еще предложи гонца в Хель отправить, по следам Хермода. Ладно, потом об этом подумаем, сейчас надо собираться, и к Флоси заглянуть...

– А чего? – вполголоса пробормотал Ингьяльд, задумчиво почесывая в затылке. – Если бы узнать, где вельва лежит, то мы бы с наставником ее разговорили бы... И ничего тут сложного нет.

Ивар предпочел сделать вид, что ничего не услышал.

Дорога уходила вверх, бежала вдоль берега Гауля, в этом году намного более полноводного, чем обычно. Река шумела, набрасываясь на берега, и пенные волны лизали бока огромных валунов. Солнце светило сквозь туман, и старые

сосны неподвижно стояли в полном безветрии, влага блестела на иголках.

Ивар возвращался домой.

Позади ехали сыновья, с полдюжины воинов из дружины, негромко постукивали копыта.

– И вот тут-то он мне и говорит – а нет ли у тебя такого же, только с яблоком на рукояти, – Нерейд рассказывал историю, начало которой Ивар пропустил, и поэтому сейчас не особо вслушивался. – А я ему в ответ – побойся...

– Стоп! – внезапно воскликнул Даг, рыжий насмешник замолчал, и все, не исключая конунга, натянули поводья.

Привыкли, что Бесшумный ничего не говорит и не делает просто так.

– В чем дело? – спросил Ивар, кладя ладонь на рукоять меча.

Вокруг были только деревья, камни да туман, а двигались лишь потоки воды в реке.

– Следы, – Даг, вплотную подошедший к полувековому рубежу, но ничуть не погрузневший, легко спрыгнул с коня, зашагал туда, где на дороге виднелись округлые вмятины.

Присел на корточки, понюхал одну из них, затем взял щепотку земли, осмотрел так, словно это был золотиносный песок. Когда поднялся и развернулся, в синих глазах обнаружилась тревога, щедро одобренная удивлением.

– Говори, – велел Ивар.

– Будь они меньше, я бы сказал, что тут прошел босой человек... – сказал Даг, и голос его прозвучал без обычной уверенности. – Но таких людей не бывает, и не бывает у людей четырех пальцев, и пахнут они иначе...

– Тогда кто? – не выдержал Нерейд.

– Тролль или темный альв.

Дружинники загомонили, кто-то помянул толстую задницу Тора, а Ивар покачал головой: тролли живут недалеко от людей, в диких горах, меж скал и ледников, вот только к селениям они выходят очень редко, а уж черные альвы и вовсе не выбирают в Мидгард, на поверхность земли.

Но и те и другие не любят солнечный свет, он для них губителен.

– И еще, – Даг показал рукой дальше, где дорога выглядела перекопанной. – Он был не один.

– Вот это мне совсем не нравится... – протянул Ивар. – Поехали!

Следопыт вернулся в седло, и они двинулись дальше, с шага перейдя на рысь. Миновали скалу, прозванную Толстой Бабой, и открылся вид на усадьбу – дымки над домами, люди на полях.

Ивар украдкой облегченно вздохнул.

– А ограда-то поломана, – сказал Нерейд, чьи глаза с годами не утратили зоркости.

Частокол вокруг усадьбы соорудили лет пять назад, бревна привезли издалека, только самые лучшие, чтобы выдержали атаку бешеного быка, вкопали на совесть, да еще и укрепили рунами.

Арнвид тогда сказал, что лишь троллям или йотунам по силам разрушить его.

Накаркал, старый... эриль.

– Главное, что дома целы, – проговорил Ивар.

Случалось, что тролли разметывали усадьбы по бревнышку, и убивали всех, да только происходило это последний раз лет сто тому, когда людей в Северных Землях было куда как меньше, да и не в густонаселенных долинах, а много выше, на самой границе ледников.

Подъехали ближе, тут уж пролом увидели все – два толстенных бревна вывернуты так, что пласты земли встали дыбом, одно сломано пополам, несколько соседних покосились, на некоторых видны щербины и вмятины, повсюду валяются щепки, обломки досок.

– Славно кто-то порезвился, – усмехнулся Нерейд, но шутку никто не поддержал.

Когда подобное творится у тебя дома, совсем не до веселья.

У целых на вид ворот усадьбы Ивара встретила Рагнхильд, внешне спокойная, но с тревогой в глазах. Конунг спрыгнул с седла, бросил поводья подскочившему работнику и сдержанно обнял жену.

– Ты вовремя, – шепнула та ему в ухо.

– Я вижу, – сказал он. – Пойдем в дом, все расскажешь...

Внутри частокола места предостаточно, тут стоят несколько больших домов, кузня, конюшня, сараи и кладовые. На покрытых дерном плоских крышах пасутся козы, по двору бегают козы, роются в земле куры, ходят занятые делом люди – вроде бы все как обычно, но взгляды затравленные, а у женщин и вовсе испуганные.

У крыльца навстречу Ивару выбежали младшие сыновья – Стейн, которому одиннадцать, остановился и поздоровался по мужски, самый младший, Харальд, со счастливым визгом вцепился отцу в ногу.

– Идите, встречайте братьев, – сказал конунг, потрепав одного отпрыска по макушке, а другого хлопнув по плечу. – Они кое-что привезли для вас с тинга, а уж новостей и вовсе полный короб.

Дети убежали, а они с Рагнхильд вошли в сени.

В большой горнице, около печи, сидел на лавке Арнвид – скрюченный, совершенно лысый, больше похожий на древнего цверга, чем на человека. Память в последние годы иногда подводила старого эриля, но ум оставался острым, а знаний в лишенной волос голове хватало на пятерых.

– Хе-хе, вот и он, явился, – пробурчал Арнвид, подняв голову, и выцветшие глаза его блеснули довольством. – Вовремя ты, нечего сказать, мы тут какую ночь развлекаемся так, что врагу не пожелаешь.

– Что происходит? – спросил Ивар, опускаясь на лавку. – Мы видели следы...

За ним в горницу протиснулся Ингьяльд Большая Рука, почтительно кивнул наставнику. Вошел Даг – там, где затевается совет, не обойтись без его ума и опыта, как и без молодого эриля.

– А мы видели тех, кто их оставил! – гневно сказала Рагнхильд, встряхнув волосами, в которых лишь недавно появились седые пряди. – Они являются, как только дочь Мундильфари уходит под землю! Огромные, страшные, похожие на ожившие скалы и деревья!

Ивар слушал рассказ жены, короткие фразы Арнвида, и ощущал, как гнев борется в его душе с удивлением – вот уже три ночи подряд вынырнувшие из ночи нелюди ломаются в пределы усадьбы, не боясь клинков и факелов, лезут к людям, и даже руны не помогают их отогнать.

– Погибли двое, молодой Кальв, и Исрид, дочь Сигурда, – проговорила Рагнхильд в завершение. – Они утащили тела, и мы не смогли их найти, хотя не особенно и пытались... Ждали тебя.

– Кто это хоть такие? – спросил Даг, переводя требовательный взгляд с одного эриля на другого.

Знатокам рун положено ведать все о разумных и неразумных тварях всех миров.

– Тролли, – сказал Арнвид. – И простые, и глубинные, и даже такие, о каких я и не слышал... На то, чтобы сладить, у меня сил не хватило. Эх, будь я лет на десять моложе! – и он досадливо сжал кулаки.

– Зато у нас хватит, – Ивар поднялся. – Сейчас поедим, и будем готовиться к встрече гостей. Примем их сегодня так, чтобы в Хель зарыдали, а в Йотунхейме пиво скисло.

Даг шел по следу быстро и уверенно, лишь иногда замирал ненадолго, вглядываясь в землю, и нюхая воздух. Усадьба давно исчезла из виду, и они шагали по голым камням, по узкому, извилистому ущелью поднимаясь туда, где брал начало впадающий в Гауль холодный ручей.

Впереди рокотал водопад, справа и слева нависали отвесные каменные стены.

Солнце попадало сюда только в полдень, и в тенистых уголках еще лежал снег, серый, ноздреватый, а поток нес крохотные льдинки, они мелодично звякали, сталкиваясь друг с другом.

Ивар взял с собой Ингьяльда и Нерейда с его острыми глазами, прочих оставил в усадьбе – чинить частокол, готовить факелы. Арнвида перед самым уходом отвел в сторонку и передал ему привезенные с тинга необычные новости. Старый эриль поскреб голую макушку и обещал поразмыслить, а также составить комбинацию рун, что сделает обычные клинки годными супротив троллей.

– Видит Улль, все, – сказал Даг, останавливаясь перед большим плоским камнем, что лежал на двух других, похожих на крохотные пирамиды, и создавал нечто вроде огромных ворот, ведущих в скалу.

– Они пришли отсюда? – спросил Ивар, вглядываясь в «ворота».

Страх он не испытывал – на солнечный свет тролли не вылезут, ну а кроме того меч, что лежит сейчас в ножнах, годится для того, чтобы рубить какую угодно плоть, даже бессмертную.

– Некоторые – отсюда, другие – спустились по водопаду, – Даг указал вперед, туда, где виднелась стена, что стала бы неодолимой преградой даже для паука. – А еще были такие, что явились с востока, от верховьев реки, но таких не очень много, и толпой они собрались именно здесь.

– Ишь, какие нахрапистые, – Нерейд нагло улыбнулся. – Что, может справить тут большую нужду, дабы показать, что мы их не боимся? – глаза его загорелись. – А вдруг какой на какашках поскользнется и лоб себе разобьет! Вот будет потеха, клянусь языком Локи!

– Не стоит, – вид у Ингьяльда был беспокойный, он то и дело нюхал воздух, поглядывал по сторонам, и нервно шевелил длинными пальцами. – Я чувствую недобрые чары, здесь все ими прямо пропитано... Высасывают жизнь и тепло... За нами наблюдают... даже сейчас...

– Ну и пусть, я не стесняюсь, – и рыжий насмешник взялся за ремень.

– Не надо, – осадил его Ивар. – Прибереги доблесть на вечер, и хорошенько все запомни. Возможно, что нам придется сегодня гнать врага до этого места, и тут дать последний бой!

Он вскинул руку с мечом, напряг мышцы – пусть наблюдатели видят, с кем им иметь дело.

– А теперь назад, – скомандовал конунг. – Дел много, а вечер скоро.

Вернувшись в усадьбу, застали там лихорадочную суету.

Арнвид колдовал над оружием, рисовал на лезвиях и щитах руны, что вспыхивали режущим глаз синим огнем, и затем исчезали, словно впитывались в металл или дерево. Молодые парни во главе с Иваром Младшим готовили факелы, а батраки и дружинники восстанавливали частокол. Стучали топоры, визжали пилы, слышались возбужденные голоса, из кузни долетал прерывистый звон.

Рёгнвальд предложил выкопать вокруг ограды ров, но Ивар махнул рукой – все равно хороший до ночи не сделать, а на плохой какой смысл время тратить, он врага даже не задержит.

Сам засучил рукава, и принялся за работу – надо распределить людей вдоль ограды, всякому нужно показать, где стоять, что делать, если враг проломит частокол, и как этого не допустить...

Глава 2. Ночные гости

Стемнело, на бархатисто-черное небо выбрался тонкий, серебристый месяц, но почти тут же сгинул под мягкими рыхлыми телами облаков. Осталось лишь призрачное свечение звезд, избежавших плена туч, вздохи ветра во мраке, да журчание Гауля неподалеку.

Ивар велел погасить огни, чтобы зря не тратить дрова, женщин и детей отправили по домам.

– Вот смеху-то будет, если «гости» не явятся, – сказал Нерейд, когда они остались вдвоем у закрытых ворот.

– Явятся, – донесшееся из мрака шарканье возвестило, что приближается Арнвид. – Если кровь детей Мидгарда попробовали на вкус, остановиться не смогут, точно бешеные волки...

Ивар огляделся, вспоминая, все ли сделано – факелы готовы, как и большие кучи хвороста, которые придется запалить, чтобы людям сражаться было удобнее, а врагу слепило глаза; оружие всем раздали, на каждый меч и топор нанесены руны, что помогут лучше резать и рубить, на щиты – укрепляющие знаки; воины расставлены так, чтобы не пропустить нападение...

Издалека, с юга донесся пронзительный скрип, будто один из ледников на вершинах гор решил скатиться в долину. Накатила волна холода, донеслись глухие удары, от которых начала вздрагивать земля, его дополнил пронзительный, тонкий свист.

– Вот и гости, – Арнвид закашлялся. – Я чую их мощь... злую, мерзкую, алчную...

Ивар ощущал лишь, как усиливается пахнувший снегом ветер, но эриль на то и эриль, дабы чуют больше простых людей.

– К бою! – скомандовал он, и из тьмы прикатило короткое шелестение – мечи покинули ножны.

Нерейд попробовал пальцем тетиву, выдернул из колчана стрелу.

– Они идут! Сто шагов! – донесся с крыши ближайшего дома взволнованный голос Гелмира. – Семьдесят... Пятьдесят... Двадцать...

Тяжелый удар сотряс стену в том месте, где еще утром красовался пролом. Столбы, не такие мощные, как по соседству, затрещали, один покосился. В щели сверкнуло нечто голубое, в лицо Ивару ударил заряд снежной пыли, запорошил глаза, кожа щек занемела.

– Огонь! – рявкнул он, и Ингьяльд ударил кресалом по огниву.

Вспыхнула береста, дрова загорелись с сухим треском, но его перекрыл тяжкий удар, от которого дома чуть ли не подпрыгнули. Над частоколом поднялась огромная голова, похожая на человеческую, но безволосая и с куда более грубыми чертами, лапа с обеденный стол размером схватилась за бревна.

Выпущенная Нерейдом стрела отскочила от каменного лба, но заставила тролля дернуться.

– Вперед! – Ивар схватил запаленный от огня факел, выхватил из ножен клинок, тот засветился желтым.

Двое батраков постарше, что не годились для боя, толкали створки, те расходились со скрипом. Вооруженные луками парни стреляли за частокол, где двигались исполинские тени, с темного неба падал снег, и снежинки резали, точно стальные звездочки, испуганно ревели в стойлах скотина.

Ивар первым выскочил за ворота, оказался лицом к лицу с приземистым троллем: рожа широкая, как поднос, из пасти торчат кривые зубы, лапы свисают до самой земли, а когти словно у кошки.

Тот зажмурился, закрылся от света, меч сверкнул, вонзился ему в живот.

Пошел тяжело, с хрустом прорезая каменную плоть, тролль взвыл, ударил лапой. Ивар увернулся, едва не потерял факел, рубанул вновь, на этот раз по ноге, и удачно – тяжелая туша ляпнулась наземь...

Мимо с ревом пробежал Кари, взмахнул огромной дубиной, выкрикнул что-то Ингьяльд. На мгновение стало так светло, будто над усадьбой взошло крохотное солнце, и снег прекратился.

А еще Ивар увидел тех, с кем им предстояло сражаться.

Среди троллей не было и двух одинаковых, но все уродливые, в два-три раза больше человека. У иных тела бугрились камнями, у других блестели, щетинились крохотным подобием торосов. Попадались и вовсе необычные существа – стройные, быстрые, черные, будто купались в смоле.

«Альвы» – подумал Ивар.

Подскочил, ударил по каменной шее, чтобы прикончить сбитого с ног противника. Обычный меч от такого выщербился бы, клинок сидхе лишь гневно зазвенел, из глубокой раны потекла, запузырилась белесая слизь.

– Первый готов! – рявкнул Ивар, но тут сбоку вылетела тяжелая лапа, ударила с такой силой, что кости затрещали.

Отлетел, покатился по земле, перед глазами сначала потемнело, затем засверкали разноцветные вспышки. Вскочил, шатаясь, точно пьяный, замахнулся на оказавшуюся рядом темную фигуру, в последний момент сообразил, что это кто-то из своих, удержал руку.

За частоколом полыхали костры, из ворот выбегали люди, каждый с мечом или топором, и все со щитами и факелами. Ингьяльд рисовал руны, руки его мелькали, и тролли отступали, пятились от эриля, ревели глухо и злобно. Кари лупил дубиной, высекая искры из того исполина, что первым схватился за ограду, летели каменные осколки, доносился лязг и грохот.

– Н-на, получи! Получи! – долетел издалека крик Нерейда.

Ивар краем глаза уловил движение, развернулся как раз вовремя, чтобы лицом к лицу встретить альва. Тот взмахнул длинным, изогнутым клинком, по нему побежало сиреневое пламя, лицо, похожее на человеческое, но чернее, чем у мавра, исказилось в усмешке.

– Умрешь, человек! – прошипел альв.

– Все умрем, – ответил Ивар. – Но ты – раньше...

Отразил выпад, отбил еще один, нацеленный в горло, и дальше атаковал сам. Сделал обманный уход в сторону, затем прыжок вперед, чтобы противник не смог уклониться. Невероятно увертливый альв почти успел это сделать, но лучившееся желтым светом лезвие вошло ему в бок, пропороло чешуйчатую кольчугу.

Гость из Свартальвхейма завизжал, как поросенок, узкие глаза вспыхнули алым.

– Не нравится? – пропыхтел Ивар. – Ничего, если собрался к нам за шерстью, то готовься быть стриженным...

Еще раз обманул альва, встретил удар прямым отбивом, а затем врезал рукоятью меча по коническому шлему. Звякнуло, багровые глаза погасли, и зашатавшийся нелюдь упал навзничь, но меч не выпустил.

– Ингьяльд!! – рявкнул Ивар, оглядываясь.

До начала боя и не думал, что выпадет okazия взять одного из врагов в плен, но если удалось, то глупо упускать случай допросить нелюдя, тот может знать больше самого мудрого эриля.

– А? – Большая Рука повернулся, остановил замах меча.

– Давай сюда! Тащите его в усадьбу, вяжите веревками и чарами, пока не очухался!

Глаза у Ингьяльда стали как у страдающего запором рака, но к конунгу рванул со всех ног. Через мгновение оказался рядом, из ворот выглянул Арнвид, тоже помчался к ним, кряхтя и хрустя коленками.

Ивар отвернулся, вскинул меч, встречая очередного тролля – с такими короткими ногами, словно их вовсе не было, зато с двумя головами. Прогоревший факел швырнул во врага, и тот заколебался, на мгновение

остановился, и тут же получил удар в бок.

Взревел гневно, занес каменный топор, какого устранился бы и Мировой Ясень.

Ивар поднырнул под опускающуюся руку, поблескивающее лезвие вошло в землю, точно исполинский плуг. Правая голова удивленно выпучила глаза, левая завертелась, выискивая противника, а конунг ударил тролля в подмышку. Запястье дернуло болью, клинок изогнулся, с трудом проткнул серую морщинистую шкуру, затем и вовсе остановился.

Пришлось отскакивать, уходить от новой атаки, пригибаться почти к самой земле, чтобы не разрубили пополам. Но Арнвид и Ингьяльд утащили пленника за ворота, а это значит, что дело сделано, что можно больше их не прикрывать.

– Ну что, морда каменная? Может, хватит? – спросил Ивар достаточно громко, чтобы порождение гор его слышало.

– Нееет! – проревел тролль, и тяжело шагнул вперед.

Сбоку вылетело копье, чей исчерченный рунами наконечник пылал, точно крохотное солнышко, и воткнулось ему в висок. Тролль пошатнулся, глаза его выпучились, две физиономии перекосило, и вот тут-то он решил, что и в самом деле хватит, развернулся и тяжело затопал прочь.

Каменный топор волочил следом, оставляя глубокую борозду.

Прочие незваные гости пятились – и гигант, пострадавший от дубины Кари, и его сородичи, испытывавшие на собственной шкуре остроту викингских мечей, и черные альвы.

– За ними! – рявкнул Ивар. – Одину слава!

– Одину слава! – донеслось со всех сторон, и люди усилили напор.

Младший и Гелмир надели на ледяного тролля, и тот не выдержал, побежал. Выскочивший из ворот Ингьяльд бросил руну, да так удачно, что у одного из врагов оторвало руку. Густая белая кровь хлынула потоком, раненый заревел

и ринулся прочь, сотрясая землю тяжелыми шагами.

Бой понемногу превращался в погоню.

В усадьбу вернулись лишь к утру, когда на востоке, над горами, объявилась розовая полоска – усталые, запыхавшиеся, но довольные. Троллей прогнали до самого ущелья, где каменные твари начали уходить в скалы, черные альвы – проваливаться сквозь землю, а ледяные ринулись вверх по отвесной стене.

Убить, правда, никого не убили, но и сами не потеряли ни одного человека.

Неподалеку от ворот обнаружили груды валунов, в которую превратился сраженный Иваром враг, еще одна темнела у самого края леса, а поле вокруг нее щедро усеивали осколки.

– Кари постарался, – сказал Нерейд с ноткой зависти. – Еще бы, такой-то дубиной!

Оружие свое берсерк добыл во время похода в Гардарики, отобрал у жителя тамошних лесов Соловья-разбойника.

– Ладно тебе, ты ее и не поднимешь, – усмехнулся Ивар. – А поднимешь, так пуп развяжется...

Нерейд обидчиво засопел, но смолчал – знал, что так оно и есть.

Из ворот вышел Арнвид, оглядел воинов почти с отческой гордостью.

– Мы альва в погреб спрятали, дабы солнце не коснулось, – сообщил он. – Я на стенках светлые руны изобразил, чтобы он удрать не вздумал, а то для него земля как для рыбы вода...

– Верно, – одобрил Ивар. – Все живы?

– Все, – ответила вместо Арнвида появившаяся из-за створок Рагнхильд. – Ты справился как никогда хорошо, муж мой.

Конунг хмыкнул – похвал от жены он достаивался нечасто.

– Так, Рёгнвальд, Младший, осмотрите частокол и займитесь починкой, – велел он. – А мы пока допросим пленника.

В погреб, выкопанный под одной из клеток, спустились втроем – Ивар и двое эрилей, старший и младший. Нечего простым воинам смотреть на явившееся из другого мира существо, и слушать его речи, полные древней, темной, опасной мудрости.

Связанный по рукам и ногам черный альв лежал на полу, между двух бочек, и глаза его злобно блестели. Стены, пол и потолок покрывала вязь из рун, и по ним время от времени пробегали серебристые и лиловые искорки.

– Вот он, красавец, – сказал Арнвид. – Впервые вижу уроженца Свартальвхейма, хотя прожил немало...

Черный альв походил на сидхе, одного из обитателей холмов Бретланда – высокий, стройный, копна волос, таких белых, что казались седыми. Но при этом он весь был черный, как головешка, нос больше напоминал клюв, а во рту поблескивали мелкие хищные зубы.

– Надеюсь, что больше и не увидишь, – заметил Ивар. – Ну что, будешь говорить сам, или тебя придется заставлять? Эти двое знают много рун, в том числе и таких, что причинят тебе невыносимую боль.

– Не грози, тварь из грязи, – с презрением сказал альв. – Я родился в те времена, когда Триди еще только сотворил вас, и проклятого солнца не было в небесах... Ваших рун я не боюсь, а вот ты страшись моего проклятия! Сгниют твои кости, распадутся связки, ослабнут мышцы, если я захочу!

Арнвид закашлялся, а затем улыбнулся так, что пленник вздрогнул.

– Не пугай, – прокричал он. – Были бы наши руны, а так ведь самого Харбарда... Что, Ингьяльд, приступим?

– А что вы хотите знать? – поспешно осведомился альв.

Понятное дело, что проклятье если и подействует, то потом, и пытаться будут сейчас...

– Что необычного творится в Мидгарде? – спросил Ивар. – Что причиной тому...

И он перечислил все, о чем слышал во время недавнего тинга – оползни, снегопады и сильные морозы, разгул ночных всадниц и раздоры между ярлами, нападения троллей и морские бури.

– Наш мир куда лучше вашего, – сказал альв, – и если бы мы могли, то никогда не полезли бы сюда... Но напасти терзают и Свартальвхейм, умирают источники силы и живые камни, и мы вынуждены поить их горячей, человеческой кровью, а ее можно добыть только здесь!

Ивар не знал, что такое живые камни и источники силы, эрили, если судить по вытянувшимся рожам, тоже.

– У нас другие напасти, но мы тоже не знаем, чем они вызваны... Охр! – тут пленник задержался, зашипел, как большая змея. – Проклятое солнце... взошло... Жжет, тварь!

– Ничего, потерпишь, – буркнул Ивар. – Он не врет?

– Похоже, что нет, – Арнвид задумчиво поскреб лысину.

Альв пыхтел и сопел, точно его поджаривали на слабом огне, черное лицо кривилось, а в глазах стояла мука. Дневное светило, ненавистное всем подземным существам, терзало его даже здесь, в погребе, под толстым слоем земли.

– Но кто же тогда знает? – спросил Ингьяльд, и голос его прозвучал беспомощно.

– Разве что боги, – прохрипел пленник. – Или сама Хель, или кто-то из мертвецов-чародеев...

– Ладно, разрази меня Мьелльнир! – сказал Арнвид, и глаза его азартно блеснули. – Знаю я один ритуал, опасный и сложный... Ты, выползок подземный, если поможешь, то мы тебя отпустим, вернешься к своим.

– Что за ритуал? – спросил альв подозрительно.

– Четыре Крыла.

Пленник, похоже, забыл про терзавшее его солнце – выпучился и попытался отползти к стене. Но едва дотронулся до нее, как руны вспыхнули ярче, и альва начало бить судорогой.

– Ты сошел с ума, старик? – прохрипел он, немного придя в себя.

– Причем давно, и очень этому рад, – заявил Арнвид, улыбаясь широко, хотя и редкозубо. – Ну что, поможешь, смоляная твоя морда, или наверх тебя вытащить, за ушко да на солнышко?

– Ладно, ладно, помогу... – проворчал пленник. – Только клянитесь всеми тремя норнами, что до следующего рассвета вернете мне свободу. Нарушившего подобную клятву после смерти ждет кипящий поток, ледяные скалы на его берегу, и хищные твари в глубине!

– Клянусь своим прошлым, настоящим и будущим, Урд, Верданди и Скульд, что до следующего восхода мы тебя отпустим, – сказал Ивар, и добавил, цитируя «Прорицание вельвы»: – Довольно ль вам этого?

Альв кивнул.

– Вот и хорошо, – Арнвид повернулся в сторону лестницы. – Пойдем готовиться. Ты, черный, лежи тут, не обессудь, ты-то нам ни в чем не клялся, да и дневной свет тебя здесь не достанет...

Пленник заикнулся что-то о путях и ране, но слушать его не стали, пошли наверх.

Для ритуала старый эриль выбрал лесок неподалеку от усадьбы, глухой старый ельник, где землю покрывал толстый мох, зеленый, как лягушачья спина, а с деревьев свисали бороды лишайников.

Он указывал пальчиком, а делать все приходилось Ингьяльду и паре молодых воинов.

– Шустрее топорами работайте, – ворчал Арнвид, устроившийся на старом бревне, и надсадно кашлял. – Я то в ваши годы, клянусь залогом Вегтама... Давай, землю очищайте, не ленитесь...

Ото мха и веток освободили круг размером с небольшую комнату, после чего Арнвид прогнал из леска всех, кроме Ингьяльда, и велел его не тревожить. Оба появились в усадьбе только ближе к вечеру, усталые и вспотевшие, с грязными руками и коленями, долго мылись, а когда сели за стол, то ели за десятерых.

Старый эриль на время трапезы даже забыл про кашель и боли в спине.

Альва выволокли из погреба после того, как солнце укатилось за горизонт, и закат погас.

– Ну что, пошли, черный, – сказал Арнвид. – Ивар, ты останешься здесь...

– Нет, я с вами.

Понятно, что всякие чародейские штучки не для простых людей, и что, участвуя в них, легко запятнать честь, но какой он будет конунг, если устрашится колдовства? И всякому ясно, что добрый меч в сильных руках, удача и отважное сердце порой стоят больше, чем тайные знания, что содержатся в головах у волшебников Мидгарда.

Старый эриль заколебался, Ингьяльд растерянно захлопал серыми глазами, а альв неожиданно сказал:

– Пусть идет. Не помешает.

– Ладно, – сдался Арнвид.

Ивар поймал встревоженный взгляд Рагнхильд, ободряюще улыбнулся ей – жена морского конунга давно смирилась, что мужа могут убить в любой момент, что он может не вернуться из похода, но ей вовсе не хотелось, чтобы он стал жертвой противного богам колдовства...

Пока шли до леса, окончательно стемнело.

Факелы с собой не взяли, и сквозь чащу продирались в полном мраке. Видно было не дальше, чем на вытянутую руку, казалось, что деревья шагают навстречу, нарочно загораживают дорогу. Под ногами хрустело и чавкало, колючие ветви лезли в глаза, с них сыпались иголки, застревали в волосах, липли на лицо.

– Пришли, во имя всех асов, – сказал Арнвид, когда они выбрались на открытое место. – Вставайте вон туда, в середину...

Он опустился на колени, прижал ладонь к земле, и нарисованные на ней руны вспыхнули неярким белым огнем. Из тьмы выплыли сгрудившиеся вокруг ели, мохнатые лапы, казавшиеся не зелеными, а белыми, стало видно лицо альва, на котором застыла улыбка.

Священные знаки, добытые некогда Одином, образовывали круг, и в самом его центре оставался пустой участок, достаточный, чтобы там стояли, не толкаясь локтями, пятеро мужчин.

Эрили расположились лицом к востоку, меж собой поместили альва, а Ивару досталось место позади всех.

– Начали, во имя Альфёдра, – сказал Арнвид, и начал рисовать в воздухе сложные составные руны.

Что делали эрили и помогавший им темный альв, Ивар не понимал, да и не старался понять. Он смотрел по сторонам, отмечая, как меняется все вокруг – побледнели и стали призрачными деревья, земля сделалась мутно-серой, создавая ощущение, что стоишь на облаке.

Услышав оглушающее карканье, вскинул голову, но не увидел ничего, затем мощно и страшно захлопали крылья. Конунга покачнуло, на мгновение показалось, что летит, мчится вверх со страшной скоростью, внутренности заледенели, сердце болезненно сжалось.

А в следующий мир земля исчезла, он обнаружил себя в небесах, под куполом небес, усеянным исполинскими звездами. Разглядел вдали Бифрест, радужный мост, изгибающийся исполинской аркой, увидел блистающий золотом Асгард в вышине, его стены, крыши чертогов...

Показалось, что стоит в колоссальном зале, а впереди три трона, один выше другого, и на каждом сидит мужчина с седой бородой, могучий, широкоплечий, и единственный глаз его злобно блестит.

Вновь прозвучало карканье, его сменил волчий вой, все закружилось перед глазами.

– Вернулись, – голос Арнвида прозвучал тихо, почти шепотом.

Ивар моргнул, и понял, что они на том же пятачке посреди леса, что он сам весь мокрый от пота, словно бегал в кольчуге, а ладонь закаменела на рукояти меча.

– Это было... ты справился, – сказал альв неверяще. – Не ожидал... теперь отпусти меня...

– Да, ты свободен, – старый эриль повернулся, в руке его блеснул нож.

Разрезанные путы упали на землю, сначала с рук, потом с ног, и бывший пленник переступил на месте, начал растирать запястья. Выражение лица его стало хищным, в глазах появился злой блеск, заметный даже в ночной тьме.

– Передай своим, пусть больше не нападают, – велел Ивар. – Иначе получат так же, как прошлой ночью.

– Я передам... – сказал альв, и провалился сквозь землю.

На том месте, где стоял, осталось черное пятно, словно тут жгли костер.

– Ну, и чего вы там узнали? – Ивар глянул на Арнвида как раз в тот момент, когда глаза того закатились.

Ингьяльд подхватил бывшего наставника, не дал упасть.

– Силы кончились... – сказал он. – Сейчас я помогу...

Прямо на лбу старого эриля нарисовал руну Силы, та вспыхнула синим огнем, тут же погасла. Арнвид вздрогнул, закашлялся, открыл глаза, с лица его начала уходить мертвенная бледность – словно принялся таять снег на покрытой буграми и оврагами равнине.

– Ничего, сдюжим... – просипел он. – Я сам стоять могу...

Он с усилием распрямился, дрожащей рукой отер лицо, вложил нож, который так и не выпустил, в ножны.

– Что вы узнали? – повторил Ивар. – Я видел...

– На глаза тут полагаться нельзя, – сказал Арнвид. – Такое порой узришь, что они не на лоб, на макушку вылезут, и все это мороком окажется... Да только все зря оказалось, не получил я ответа, кто смущает Мидгард и Свартальвхейм, понял только, что все девять миров в опасности...

– Это так, – подтвердил Ингьяльд, – я ощутил то же. Но к кому мы пойдем за советом?

– Вельву мне не поднять, – старый эриль вздохнул. – Я – не Яльфад, да и не знаю, где ее могила, но тот альв не зря поминал мертвецов-чародеев. Тот, кто умер, но не до конца, не сгинул в Хель, а сохранил разум и память, ведает порой

больше, чем самый могучий из асов.

Ивар поежился – он видел, как поднимают из могилы того, кто оставил мир живых.

– И к кому ты хочешь обратиться?

– Сегодняшний ритуал дал ответ на этот вопрос, – Арнвид дернул себя за бороденку. – На острове Годей, что у берегов Халогаланда, высится древний курган, а в нем покоится берсерк-оборотень Рауд Могучий, при жизни слывший злейшим колдуном.

– И ты предлагаешь вместо того, чтобы идти на юг, в очередной поход, отправиться на север? – спросил Ивар.

Он собирался этим летом повести драккар к берегам Бретланда, где после гибели конунга Артура воцарился полный хаос, или пощипать побережье Валланда, где всегда можно взять богатую добычу.

– Но кто, если не мы? – старый эриль поднял голову, взгляд у него оказался неожиданно живым, гневным.

– Кто, если не мы? – вздохнул Ингьяльд.

Ивар заколебался – да, достойно мужей привезти на родину золото и прочие сокровища, но он не раз ходил на юг, добирался до Миклагарда, видел Киев и Багдад, посетил земли ольмеков и ацтеков, где не бывал более никто, и всем доказал, что нет в Трандхейме более славного морского конунга... но еще достойнее встать грудью против опасности, что грозит не только тебе или семье, а всем людям.

– Хорошо, мы отправимся сегодня же, – сказал он.

Рагнхильд, вопреки ожиданиям Ивара, встретила новости спокойно, и возражать не стала. Взбунтовались двое старших сыновей, узнавших, что их оставляют дома, не берут с собой.

– Я уже не мальчик! – заявил багровый от ярости Младший, брызгая слюной. – Мне стыдно прятаться от опасности!

– А ты от нее и не прячешься, – сказал Ивар в ответ. – Кто, как не вы, будет охранять усадьбу, беречь мать и хозяйство? Кто сказал, что тролли не вернутся завтра или не нагрянет кто-то из моих врагов?

Этот ответ заставил парней задуматься – Гелмира сразу, а Младшего чуть погодя, когда остыл гнев. Совсем он успокоился, получив от отца в подарок изогнутый меч, взятый у попавшего в плен альва – чудное оружие резало куда лучше людского, а время от времени начинало светиться злым сиреневым огнем.

Собрались только к полудню, Ивар поцеловал жену и забрался в седло.

– Ну, в добрый путь, – сказал он, оглядев сидевших верхом воинов.

Рагнхильд улыбнулась на прощанье, Младший вскинул руку с подаренным клинком, и лезвие его тускло сверкнуло. Закряхтел Арнвид, не ездивший верхом несколько лет, застучали по земле копыта, и усадьба с поднимавшимися над ней дымками начала уменьшаться, пока не исчезла из виду.

Старый эриль, вопреки ожиданиям, из седла не выпал, на куски не развалился, и к вечеру они достигли побережья около Бюнеса, где конунга ждал его драккар и большая часть дружины.

– Завтра в море, – сказал Ивар, спешившись. – Идем на север.

Воины загомонили, десятки взглядов обратились на Нерейда – все знали, что рыжий викинг не умолчит, обязательно расскажет обо всем, что случилось, и что затевается, а если и приукрасит от себя, то это грех небольшой.

Хотя в этот раз дружинников ждало разочарование...

Лошадей с одним из воинов отправили в селение, чтобы утром их отвели обратно в усадьбу, переночевали на берегу, под монотонную, но столь приятную уху викинга песню волн, а с первыми лучами солнца отошли от суши. Полетели соленые брызги, ударили весла, и драккар, покачивая драконьей головой

на штевне, развернулся в сторону выхода из фьорда.

Ивар стоял на носу, полной грудью вдыхая влажный и холодный воздух.

– Эх, хорошо... – сказал примостившийся рядом Арнвид, подслеповато щурясь на поднимавшееся светило. – А я почти и забыл, что это такое – море под килем, соратники рядом... Счастье, если умру в этом походе, ведь в новый не выберусь... Не хотелось бы сдохнуть на лавке у теплой печки.

– Смотри, не накаркай! – орудовавший веслом Нерейд обернулся, сверкнул улыбкой. – А то ведь одного тебя в Вальхаллу не отпустим, придем проследить, чтобы тебе пива хорошего налили, а не козьей мочи, и мясом Сехримнира не обнесли! Или эрилей Отец Ратей к себе не берет?

– Если в бою погиб, то берет, наверное... – ответил Арнвид задумчиво. – А вот тебя не возьмет. Был у них в Асгарде один такой, рыжий, болтливый да ехидный, и чем все кончилось? Волчьих кишок на всех не хватит!

Викинги с готовностью загоготали.

Словно привлеченный здоровым мужским хохотом, прилетел ветер, вспенил гребни на волнах, расправил плащ за спиной конунга.

– Эгей! Ставим парус! – выкрикнул Ивар. – Морские боги к нам благосклонны!

Грохнула, вставая в гнездо, мачта, и полотнище с Кровавым Глазом затрепетало над драккаром.

– Ты им не сказал, куда идем? – тихо спросил Арнвид, когда викинги вытащили бочку с пивом и выбили днище.

Согласно обычаю, начало дальнего похода нужно sprysnut' пенным напитком – по кружке в себя, и одну за борт, чтобы Ньерду и Эгиру стало повеселее, и дабы корабль ходко шел по дороге китов.

– Нет, – так же негромко отозвался Ивар.

О цели похода он не сообщил даже жене, устоял против настойчивых расспросов Нерейда. Тот изобразил обиду, потом забыл про нее и принялся выдумывать всякие нелепицы, одну вычурнее другой.

– И правильно, – старый эриль кивнул, и принял кружку с пивом. – Это дело такое, что лучше молчать.

– С почином! – крикнул Ивар, вскинув посудину. – Чтобы вернулись со славой!

– Со славой! – заорали дружинники, и хмельная жидкость полилась в луженые глотки.

Первый день выбирались из Трандхейм-фьорда, огибали Ирьяр, во второй двинулись на север, вдоль изрезанных берегов Северного Мёра.

Морская гладь была пустынна, словно в те дни, когда люди еще не выучились строить корабли, над ней плыли клочья тумана. Волны с грохотом бились о прибрежные скалы, в глубине вод рокотало, будто ярились прикованные ко дну исполинские твари.

Ивар вглядывался в затянутый дымкой горизонт, Арнвид сидел на скамье нахохленный, точно старая ворона. Шли хорошо, бури в это время случаются реже, чем пир в хижине бедняка, но эриль выглядел мрачным и недовольным, словно над головой собирались черные тучи.

Сидевший на веслах с остальными Ингьяльд то и дело оглядывался на бывшего наставника.

В полдень с северо-запада, со стороны открытого моря донесся негромкий шелест, а вслед за ним на горизонте появилась темная полоска. Прежде чем Ивар успел сообразить, что это такое, чудовищно огромная пологая волна приподняла драккар на своей груди, и с ревом хлестнула берег.

Пенные языки вздыбились до верхушек самых высоких скал, с криками взвились в воздух испуганные птицы.

– Что-то здесь не так... – проворчал Арнвид, когда шум затих. – Откуда это? Что такое?

Но на вопросы Ивара отвечать отказался, так и промолчал до самого вечера, когда они наконец-то увидели корабль. Небольшой драккар появился с севера, вынырнул из так и не пожелавшего рассеиваться тумана, закачалась укрепленная на штевне голова ястреба.

– Ярл Ари Крыло из Хесьютуна, – определил конунг. – А ну, суши весла! Гудрёд, правь к нему!

По обычаю викингов нужно сойтись поближе, обменяться приветствиями и новостями.

Дружинники, радуясь отдыху, вынули весла из воды, драккар начал замедлять ход. На чужом корабле тоже начали поворачивать, подошли ближе, на носу объявился ярл, высокий и тощий, словно оглобля.

– Привет мужам из Трандхейма! – полетел над волнами его мощный голос.

– Привет халейгам! – ответил Ивар.

Разглядел, что Ари Крыло в шлеме, а висевшие вдоль борта щиты выглядят посеченными, словно дружина ярла недавно участвовала в схватке.

– Легок ли был путь вашего коня бурунов? – спросил конунг, когда они сошлись вплотную.

– Ужасен, – вопреки обычаю ответил Ари. – Сегодня утром, едва мы отошли от места стоянки...

Ивар нахмурился, слушая, как среди полного штиля драккар ярла чуть не опрокинулся, когда из-под воды явилась чешуйчатая спина толщиной со ствол мирового ясеня, по морю хлестнул хвост, способный вытянуться от Бьёргюна до Конунгахеллы, и дикая вонь поплыла над волнами.

– Это был сам Ермундганд, клянусь Вратами Хель и повозкой Бальдра! – говорил ярл, возбужденно размахивая руками. – Он нырнул и снова вынырнул, и на этот раз посмотрел на нас! Я видел его чудовищные глаза, каждое с озеро, и в плещущуюся в них злобу! Если бы он смог подойти к берегу, то проглотил бы наш корабль, точно пес – муху!

Ивар хотел было спросить, где Ари добыл хмельного пива, обильно сдобренного ядрёными мухоморами, но вспомнил утреннюю волну, порожденную непонятно чем, и прикусил язык.

– Страшные вести ты несешь... – проговорил он. – Мировой Змей покинул дальние воды и приблизился к землям Мидгарда? Неужели настал час Рагнарёка, Хеймдалль готовится затрубить в рог, Локи вырвался из заточения и спускает на воду драккар из ногтей мертвецов?

– То мне неведомо... – ярл, никогда не слышавший трусом, вздрогнул. – Но мнится мне, жуткие дела будут твориться. Прощай, Ивар Ловкач, думаю, что не свидимся мы более в этом мире!

Он махнул рукой, дружинники ударили веслами по воде, и драккар с головой ястреба принялся набирать ход.

– Прощай... – сказал Ивар, показал своим, чтобы возобновили греблю, и повернулся к Арнвиду. – Что ты об этом думаешь?

– Волк Фенрир еще не разорвал узы, – ответил старый эриль медленно, губы его двигались с трудом. – Но Ари не соврал – дикая сила, что обычно спит за краем горизонта, пробудилась, и Ермундганд рыщет неподалеку от Северных Земель. Что-то растревожило его, и боги будут вынуждены вмешаться, если Змей не уснет снова... А это грозит неисчислимыми бедами всем, и альвам, и людям. Времени все меньше, конунг, надо спешить!

Они гребли так, что весла гнулись в могучих руках, а когда уставали, Ингьяльд рисовал руны, вызывая ветер. Но держался тот недолго, и вновь приходилось браться за отполированные за блеска рукоятки, так что сам конунг работал наравне с остальными, меняя кого-то из молодых воинов.

Драккар мчался на север, один за другим проходя заливы, расположенные на берегу поселки. Рыбацкие лодки освобождали ему дорогу, с них что-то кричали, махали руками, с земли обеспокоенно смотрели женщины.

И в Халогаланде знали корабль Ивара Ловкача, и теперь гадали, куда он идет.

Останавливались, только когда начинало темнеть, а в путь пускались с первыми лучами солнца, что восходило раньше и раньше. Мирового Змея не видели, но море было странно беспокойным, вспучивалось горбами, рокотало, несмотря на штиль, на глади возникали водовороты.

Прошли остров Ньярдей, в Викаре пополнили припасы.

Еще через два дня попали в снегопад, в настоящую метель – тут, на севере, лето не спешило менять короткую северную весну. Ивар велел бросить греблю – за мечущимися белыми хлопьями ничего не было видно, и они могли налететь на торчащую из моря скалу.

Лишь когда снегопад прекратился, пошли дальше.

Миновали Хесьютун, и потянулись берега вовсе безжизненные – голые серые скалы, лишенные даже намек на зелень, тут сразу переходили в возносящиеся к небесам, закованные в лед горы.

Дальние вершины «дымились», закутанные в полотнища снегопадов.

Несколько дней не могли отыскать подходящую бухту для ночлега, и оставались на воде даже ночью. Эрили рисовали на лбу дозорных руны, позволяющие видеть во мраке, после них голова разламывалась так, словно перепился нехорошего пива, а перед глазами двоилось.

Остров Годей показался ближе к вечеру – из холодного тумана выплыла приземистая громада длинного мыса, словно воины в боевом строю встали поверх него остроконечные скалы.

– Это он? – спросил Ивар, повернувшись к Арнвиду.

Сам так далеко на север никогда не забирался, а старый эриль, хоть и родился в Вестфольде, побывал везде, излазил все фьорды, в каждый закоулок заглянул от Асгарда до ледяной преисподней.

– Он, – буркнул Арнвид. – Уходим восточнее, там должна быть бухта...

Бухта показалась вскоре, узкая, извилистая, едва протиснуться кораблю, да еще удача, если весла не поломаешь.

– Давай, Гудрёд! – сказал Ивар, вглядываясь в темную воду. – Вперед! Вправо! Еще! Теперь прямо!

С обеих сторон нависли отвесные, мокрые утесы, источенные дырами, похожие на огромные ковриги хлеба. По днищу корабля что-то проскрежетало, заставив конунга поморщиться, но тут бухта расширилась, открылся пологий берег, впадающий в море ручеек, и рядом с ним – старое кострище.

Здесь останавливались, и неоднократно, но последний раз, похоже, еще в прошлом году.

– Табань! – приказал Ивар, первым прыгая через борт.

Вымок до пояса, но не обратил на это внимания, зашагал к суше, глядя по сторонам и держа руку на мече. Кто знает – вдруг Годей не так безлюден, как кажется на первый взгляд?

По сторонам высились скалы, дальше виднелся лесок, не особенно густой, но достаточно большой, чтобы в нем нашлись дрова.

– Давненько я тут не был, – сказал вставший рядом с конунгом Арнвид.

– Лет сто? – донесся позади ехидный голос Нерейда.

– Ну сто не сто... – старый эриль закашлялся, поправил висевший на поясе меч. – Но давно. На ночь выставим удвоенные дозоры, а к кургану отправимся завтра утром, в темное время туда сунется только безумец.

Ивар кивнул – все верно, во мраке колдуны особенно сильны, а мощь светлых асов, наоборот, слабеет.

– Нерейд, Кари, – скомандовал он, – берите молодых, и за дровами, Скафти, займись ужином...

Глава 3. Мертвый колдун

Ночь пала на остров, как черная сова на мышь.

Только что можно было разглядеть вход в бухту, лес, вершины гор за проливом, на материке, а в следующий момент все исчезло, залитое густой тьмой. Ивар выругался, даже пощупал глаза, проверяя, на месте ли они, и замер, когда из мрака прикатился раскатистый, злобный вой.

Очень похожий на волчий, но лишь похожий.

– Отродье Фенрира... – сказал Ингьяльд, лапая рукоять меча.

– Пока горят костры, они не осмелятся напасть, – прокрихтел Арнвид.

Дров натаскали много, и пламя полыхало мощно, ровно, не желая отдавать тьме небольшой пятачок рядом с вытащенным на берег драккар. Идущее от огня тепло перебивало промозглый холод, которым тянуло от воды, вверх летели сонмища алых искр, прошивали серый туман.

– Все слышали?! – спросил Ивар, поглядывая на молодых воинов.

Опытным, что дрались и с чудовищами, и с богами, все едино – уснут и в гостях у Хель, и в нужнике йотуна. Те же, кто в дружине недавно, начнут вздрагивать, ежиться от страха, вглядываться в ночь, а утром встанут с тяжелой головой и вялостью в мышцах, с какой в бой лучше не соваться.

– Ложитесь, – сказал конунг. – Первыми на страже я, Ингьяльд и Хакон с Бугров.

Названный воин поначалу сгорбился, но затем гордо выпрямился, показывая, что готов. Его взяли на драккар два года назад, когда стояли в Бьёргюне, и гибкий уроженец Хёрдаланда показал себя хорошо – где не хватало силы, брал быстротой, когда не доставало воинского умения, одолевал хитростью.

Дружинники укладывались, ворчали, Нерейд вертелся, как змея на сковороде, но постепенно все уgomонились. Стало тихо, но ненадолго, засвистел носом Арнвид, потом донесся раскатистый храп Кари.

– Они рядом... – прошептал Ингьяльд, вскидывая голову, и в тот же момент вой прозвучал вновь, уже близко.

В нем звучала хищная радость, и злоба, какой не испытывает обычный зверь.

За кругом света возникло движение, тьма зашевелилась, в ней мягко запрыгали огромные тела. Клацнуло что-то по камням, блеснул огромный глаз, сверкнули зубы в исполинской пасти, донесся запах мокрой шерсти.

– Может, еще дров подбросить? – спросил Хакон.

– Зачем? – Ивар зевнул. – Тогда до утра не хватит. Они для этого и пугают. Давай-ка глянем, кто тут...

Нагнувшись, вытащил из костра толстую палку, а затем поднял ее повыше и сделал шаг прочь от огня. Пламя вырвало из тьмы прижавшуюся к земле мохнатую тушу, та отпрыгнула и словно растаяла.

– Видишь? – спросил конунг. – Они боятся света.

Вернулся на место, и во тьме вновь появилось движение, зазвучало клацанье зубов.

Когда дрова прогорали, звуки и вонь пододвигались, Ивар чувствовал на лице горячее смрадное дыхание, видел тянущиеся к нему когтистые лапы. Но стоило подбросить новую охапку, и огонь поднимался выше, наваждение исчезало, обитатели ночи отступали, и звуки делались тише.

Ингьяльд всматривался во мрак равнодушно, Хакон время от времени оглядывался.

Взошла луна, но надолго на небе не задержалась, укрылась в затянувших небо облаках. Ее свет, как ни странно, ничуть не разогнал тьму вокруг стоянки, даже будто сделал ее плотнее.

Когда половина ночи миновала, Ивар разбудил Гудрёда с братом и еще двоих дружинников.

– Все тихо? – спросил Меченый.

– Не совсем, – ответил конунг. – Бегают тут всякие, но особенно не мешают, так что главное – к ним в зубы не лезть...

Сам завернулся в одеяло и лег на место Рёгнвальда. Заснул мгновенно, едва прикрыв глаза, и видел на диво мирные сны – Рагнхильд, сыновей, почему-то еще маленьких, усадьбу...

С утра от ночных страхов не осталось и следа, впервые за много дней из тумана вылезло солнце.

– Со мной пойдут... – сказал Ивар после того, как покончили с завтраком. – Нерейд, Кари, Даг...

Понятно, что эрили сами побегут впереди всех, а брать с собой много народа смысла нет – схватка предстоит не с врагом из плоти и крови, а с колдовством, и тут лишние только помешают.

Прошли через лесок, куда вчера ходили за дровами, открылась центральная часть острова, холмистая и покрытая валунами. Арнвид задумчиво поскреб лысину, повертел головой, и принялся нюхать воздух, точно учуявшая дичь охотничья собака.

– На север? – спросил Ингьяльд.

– Нет... – старый эриль заколебался. – Северо-запад.

Шли цепочкой, сапоги скользили по мокрым камням, одни холмы сменялись другими, столь же бесплодными. Вокруг не было ни травинки, ничего живого, словно на острове Годей лежало древнее, могучее проклятье. В тяжелом, сыром воздухе дышалось с трудом, малейшее усилие вызывало ознобный пот.

– Вот он, – сказал Арнвид, и Ивар понял, что лежащий впереди холм выглядит слишком правильным, а на склонах нет валунов.

Успел подумать, что таких огромных курганов не видел даже в Конунгахелле, где похоронены конунги древних времен, как в следующее мгновение вокруг стало тесно от кинувшихся со всех сторон бестий.

Серые, точно камни, и костлявые, они взялись непонятно откуда, и ринулись на людей молча. Первую встретила дубина Кари, раздался хруст, и тварь отшвырнуло прочь. Вторая напоролась на меч Дага, третья поймала в горло стрелу Нерейда, и осела наземь, поливая ее черной кровью.

Викинги сражались как сотни раз до того, спокойно и расчетливо.

Ивар пару раз махнул мечом, одиножды промазал, другим зацепил необычайно верткого противника, и все оказалось закончено.

– Стражи могилы, – сказал Арнвид, разглядывая мертвую бестию, напоминавшую рысь со змеиным хвостом. – Это чтобы всякие любопытные не шлялись, покой Рауда не тревожили...

– Какого Рауда? – Нерейд насторожился, даже уши зашевелились, как у лиса.

– А того, что тут похоронен, – объяснил старый эриль. – Мы к нему в гости собрались, на пиво.

Кари, не боявшийся никого и ничего на свете, равнодушно кивнул, Даг встретил новость спокойно. А вот Болтун поморщился, покачал рыжей головой, сказал с неудовольствием:

– Такой пива не нальет, сам попросит, да так попросит, что не откажешь...

Чем ближе подходили к кургану, тем более мрачным и величественным тот казался. На склонах виднелись борозды, словно оставленные гигантским плугом, на самом верху лежал единственный камень, огромный и гладкий, будто специально обтесанный, с рунами на черных боках.

– Под ним наверняка отверстие, ведущее в могилу, – объяснил Арнвид, когда они двинулись вверх по склону. – Чтобы хозяин мог выбирать, тешиться прогулками, пить чужую кровь и насыщать порчу...

– Дверца, хотя таких дверей я еще не видел, – заметил Ивар.

Солнце стояло высоко, светило ярко, но было холодно, на траве виднелся осевший иней, она выглядела седой, а не зеленой. Дыхание клубилось в застывшем воздухе, а шорох шагов казался болезненно громким, толчками отдавался в ушах.

Камень приблизился, стало ясно, что леденящее дуновение идет от него, а почва у подножия монолита смерзшаяся.

– Надо поработать, – буркнул Арнвид с неудовольствием, а Ингьяльд принялся чесать вихрастый затылок.

– Толкать? Или копать? – понял все по-своему Кари.

– Сначала разобраться, кхе-кхе, как это работает, а потом руны стирать, рисовать, и копать, и толкать, и оружием махать...

Руны на боку камня в ответ на прикосновение старого эриля загорелись тревожным алым огнем, и тот поспешно отдернул руку. Вытащил из мешка молоток и долото, какие используются, чтобы наносить надписи на валунах, такие же инструменты появились в руках Ингьяльда.

Застучали, как два ленивых дятла – нечасто, размеренно, полетели осколки.

Ивару показалось, что камень вздрогнул, дернулся, словно попытался сдвинуться с места, убежать от мучителей. Но морок прошел, а монолит размером с сарай обнаружился на прежнем месте, и руны на его боках вновь пылали.

После очередного удара под ногами взревело, точно в кургане проснулся разъяренный бык, и на лице Арнвида появилась довольная ухмылка.

– Верной дорогой идем, соратники! – заявил он бодро. – Сейчас мы еще ударим, а вы идите, упирайтесь с той стороны, и толкайте, толкайте... Сковырнем, как надоевший прыщ на заднице!

Ивар спрятал меч в ножны, осторожно прикоснулся к холодной, покрытой канавками и трещинами поверхности. Рядом засопел Даг, закричал навалившийся всем немалым весом Кари. Ладони на миг занемели, но затем сердце забухало чаще, изгоняя из тела холод, нагнетая кровь в мышцы.

– Давай! Давай! – подбадривал старый эриль.

Жали так, что хрустели суставы, а сапоги погружались в землю, но проклятая каменюка и не думала двигаться.

Ингьяльд бросил долото и молоток, тоже уперся, и его усилие оказалось решающим. Валун дрогнул, на миг будто стал тяжелее, а затем тот его край, на который давили викинги, начал подниматься.

Ивар напрягся еще сильнее, так что перед глазами потемнело, почувствовал, как по ободренным пальцам течет кровь.

– Есть! Пошел! – крикнул Даг, и камень, вставший на ребро, закувыркался по склону.

Арнвид едва успел отскочить, а в том месте, где только что находился монолит, обнаружилась дыра локтя в три шириной. Из нее потянуло ледяным сквозняком, сладким запахом разложения, вонью гнилого мяса, и еще чем-то незнакомым, но столь же неприятным.

– Да, давненько там не убিরались, – буркнул Нерейд, зажимая нос ладонью. – Кто первый?

– Что за вопрос? – удивился Ивар.

Ноги и руки еще подрагивали от запредельного напряжения, дыхание было частым, но не сомневался – конунг всегда должен идти впереди воинов, в битву ли, в таверну или в могилу берсерка.

– Давай, – Арнвид похлопал его по плечу. – У нас есть факелы, сейчас запалим один и кинем вниз, а затем разматываем веревку... Только непонятно, к чему ее тут привязать... Если только Кари подержит?

– Подержу, – кивнул могучий берсерк, способный в одиночку удержать драккар.

Длинная веревка и смолистые ветки нашлись у запасливых эрилей. Быстро высекли огонь, и пылающий факел улетел вниз, в дыру, где шлепнулся на пол, но не погас, а остался тлеть, освещая крохотный пятачок вокруг себя.

– Темно там, как у крота в заднице, – озабоченно сказал Нерейд. – Точно надо туда лезть?

– Точно, – ответил Ивар, вытаскивая из ножен меч. – Кари, держи крепко!

По лезвию клинка бегали желтые сполохи – оружие чувствовало опасность.

Конунг ухватился за веревку одной рукой, той самой, что ободрал об камень, и поморщился от боли. Сжал ее ногами, и пополз вниз, в темную, холодную и вонючую дыру – высота, если верить факелу, вроде бы небольшая, но кто знает, что ждет там?

Когда оказался во мраке, меч засветился ярче, проявился свод погребальной камеры, укрепленный бревнами. Из тьмы проступили очертания драккара, блеснул глаз искусно вырезанной драконьей головы, побежали блики по черным, словно натертым смолой, чешуйкам.

Смрад ударил в нос подобно кулаку, но затем исчез.

Ивар примерился и, спустившись еще немного, прыгнул. Земля ударила в подошвы, он присел, подхватил с земли факел. Тот затрещал, пламя разгорелось, драккар стал виден лучше.

– Ххыы.... – сказали из тьмы, и некто огромный, могучий перепрыгнул через борт.

Блеснули во тьме алые глаза размером кулак, в круг света вступил человек даже крупнее Кари. Поднялась ручища толщиной с доброе бревно, покачнулся в ней меч, выточенный из желтой кости, белые извивающиеся черви начали вываливаться из дырок в кольчуге.

Хозяин кургана, Рауд Могучий, не дался смерти, но тления избежать не смог – лицо его напоминало кусок фарша, от пальцев остались тонкие белые косточки, а вонял он как разрытая могила.

– Гость... – произнес берсерк голосом мощным и низким, как рев бури. – Умрешь.

– Посмотрим, – ответил Ивар.

И в тот же момент пригнулся, уходя от широкого выпада, отскочил в сторону, принял удар на меч, и зашипел от той боли, что пронзила кисть. Попытался атаковать сам, но не успел, пришлось вновь уходить от костяного клинка, что длиной был почти с весло, и резво полосовал воздух.

Рауд Могучий, даром что дохлый и огромный, двигался быстро и плавно на зависть живым. Бил сильно, рубил затхлый воздух подземелья без жалости, и хитрым образом не задевал стенок.

Тьма ему совершенно не мешала, в то время как факел Ивару ничем не помогал, скорее слепил, и сбивал с толку.

– Умрешь, – повторил хозяин кургана, на миг останавливаясь.

– Что там, конунг?! – донесся сверху крик Арнвида.

– Веселуха! – ответил Ивар, и швырнул огрызок факела в лицо мертвецу.

Тот дернулся, попытался уклониться от жгучего пламени, на мгновение потерял врага из виду. Конунг рванул вперед, стараясь дышать пореже, выбросил клинок с полного размаха на всю длину руки.

Лезвие заскрежетало, прорезав старую, ржавую кольчугу, на него брякнулся очередной червяк, жирный, в палец толщиной. В брюхе Рауда Могучего заскрипело, словно там падали старые, окаменевшие деревья, а сам он остановился, выпучил глаза и распахнул рот.

Блеснули черные гнилые зубы, пахнуло сырым мясом.

Ивар выдернул меч, ударил еще раз, но мертвый хозяин кургана отступил, исчез в темноте.

– Э-ге-гей, я иду на подмогу! – донесся сверху голос Нерейда, и в дыре объявились его дрыгающиеся ноги.

Спрыгнул на пол, держа в одной руке меч, в другой – охапку факелов, но не успел распрямиться, как мрак рядом сгустился, из него выступил Рауд. Рыжий викинг, как был, на четвереньках, рванул в сторону, костяное лезвие недовольно клацнуло, врезавшись в пол, оставило в нем выемку.

– Снова вылез, клянусь глазом Хенгикьефта? – Ивар шагнул навстречу мертвецу, кольчуга на брюхе которого выглядела неповрежденной. – Ничего, опять тебя разделаем, мало не покажется...

– Это кто тут такой большой и вонючий, как сортир на торге? – Нерейд распрямился.

Тут же ему пришлось отбиваться, размахивать мечом вокруг, отбивая выпады Рауда. Ивар бросился Болтуну на помощь, и едва не отлетел к стене, когда два клинка с грохотом скрестились.

На этот раз бились вдвоем, но легче почему-то не стало – хозяин кургана метался из стороны в сторону, роняя на пол червей и мокриц, злобно скалился, но успевал и атаковать и защищаться. Нерейд пыхтел, не шутил больше, дыхание берег для боя, конунг выжидал момент для выпада, меч его горел

ровным желтым огнем, от него летели искры.

Падавший сверху тусклый свет померк – внутрь кургана лез кто-то еще.

– Все умрете! – радостно сообщил мертвец, и выхаркнул целый клубок червей Ивару в лицо.

Он отшатнулся, крутнулся в сторону, уходя от атаки, понял, что не успевает, что сейчас меч врага вонзится в бок. Но тут прямо на голову Рауду свалился Ингьяльд, хозяин кургана возмущенно заорал, отшвырнул молодого эриля в сторону, тот с грохотом врезался в борт драккара.

Но миг для атаки Рауд потерял, и уже Нерейд с Иваром вдвоем кинулись на него.

Два клинка одновременно вонзились в мертвую плоть, негромко лязгнули друг о друга.

– Готов, – сказал Ивар, когда Рауд исчез, растекся струями черного тумана.

– Шишка будет, – сказал Ингьяльд, поднимаясь на четвереньки и щупая голову – даже в сумраке погребальной камеры было видно, как поднимается, раздвигая волосы, огромный синяк.

– Зато какой удар! – восхитился Нерейд. – Искры полетели, как прям из Муспелля!

Молодой эриль насторожился, отскочил в сторону, в руке его оказался тяжелый длинный меч. На том месте, где только что стоял, возник Рауд, вновь целый, и сердито взмахнул костяным клинком.

– Вот настырные... – прошипел он, и шипение отдалось эхом в темных углах, словно там зашептали тысячи злобных голосов. – Но ничего, все здесь останется, не пить мне влаги Хель.

– Сколько раз вы его одолели? – спросил Ингьяльд.

– Два, – ответил Ивар.

– Надо третий, и тогда он будет в нашей власти...

Договорить Ингьяльд не успел, скакнул в сторону, чтобы не попасть под выпад Рауда Могучего. Тот если и был при жизни берсерком, после смерти разучился впадать в священную ярость, и взамен той неуязвимости, что дарует она, приобрел иную, мерзостную, темную.

Эриль отбил удар, меч едва не вывернуло из его ладони.

Но рядом оказался Нерейд, отвлек хозяина кургана на себя, подскочил Ивар, и насели на огромного мертвеца втроем.

– Давай-давай! – орал сверху заглянувший в дыру Арнвид. – Зажимайте его! Больше он не уйдет! Отличный удар! Не дайте отойти к кораблю! Не спи, конунг, в Вальхалле проснешься!

Ивару казалось, что они сражаются вечно – пот бежал по спине, щекотал шею, капал с бровей. Мелькали и сталкивались клинки, Рауд глухо взревывал, пол погребальной камеры вздрагивал, поскрипывал драккар, в борту которого голова молодого эриля оставила вмятину.

Потом сумел извернуться и ткнуть берсерка в бедро.

– Шшшш... – зашипел тот, как брошенный в бочку с водой раскаленный слиток.

Ингьяльд стремительным движением бросил руну, та полыхнула нестерпимо, и мертвец застыл, по его туше забегали синевато-белые огоньки, образовали нечто вроде тонкой светящейся сети.

– Отлично! – сказал Арнвид. – Все, я спускаюсь к вам... Даг, вяжи петлю!

– Не удерет? – Ивар опустил меч, но в ножны пока не убрал.

– Не должен, – сказал Ингьяльд устало. – Мы одолели его трижды, и до заката он в нашей власти. Вы последите за ним, я пойду, посмотрю, что хозяин запас тут интересного.

Он утопал в сторону драккара, и глаза на лице Рауда повернулись следом, могучие руки напряглись, что-то хрустнуло, треснуло, но сдвинуться с места берсерк не смог, хотя и желал всем прогнившим сердцем.

– Держит, – Нерейд облегченно вздохнул. – Где там факелы, надо бы разжечь?

Ингьяльд, судя по звукам, копался в том хламе, что опустили в могилу вместе с колдуном, рыжий викинг стучал огнивом, один за другим зажигал факелы. Хозяин кургана свирепо зыркал по сторонам, но более не шевелился – похоже, и в самом деле потерял силу.

Через дыру в потолке спустился Арнвид, похожий на паука, по прихоти злых детей лишившегося половины ног. С надсадным кашлем опустился на пол, вылез из петли и решительно направился к мертвецу, которому был чуть выше пояса. Чтобы заглянуть Рауду в лицо, старому эрилю пришлось задрать голову, но под его взглядом колдун дернулся, как от удара хлыстом.

– Славно, – сказал Арнвид, потирая руки. – Сам будешь говорить, или как?

– О чем?

– О том, что с миром творится, – старый эриль подумал и добавил, – со всеми мирами.

Подошел Нерейд с факелом, рядом с Иваром встал перепачканный пылью и зеленой слизью Ингьяльд, все с ожиданием уставились на мертвеца. Во взгляде того появилось удивление, а когда зашевелил челюстями, голос прозвучал без прежнего напора:

– Ради знания явились ко мне? Не за сокровищами?

– Сокровища почетнее у живых добывать, не у мертвых, – гордо сказал Ивар. – Мы хотим знать, что вызвало те напасти, от которых страдает не только Мидгард, но и Свартальвхейм, и соседние миры...

Рауд Могучий клацнул зубами так, что по подземелью пошло гулять эхо, а потом заговорил.

Речь его звучала странно, слова произносил немного иначе, некоторые казались вовсе непонятными, так что приходилось напрягать слух и мозги, чтобы не упустить нить. Повествовал же о вещах вовсе чудных – что далеко на востоке, на другом конце Мидгарда лежит обширная страна, и вот тамошние то ли колдуны, то ли боги учудили нечто, нарушившее равновесие от кроны до корней Мирового Ясеня.

– А точнее сказать не можешь? Кто? Где находится и как до него добраться? – уточнил Арнвид.

– Я тебе что, голова Мимира? – мертвый колдун, похоже, обиделся. – Что вижу, то и говорю. Это тебе не наши фьорды, где всякий камень родной, и даже не Хель с Асгардом... Чтобы точно увидеть, нужно поближе подобраться, а туда, если на драккаре, то год пути.

– Год? – Ивар покачал головой. – Какой смысл плыть? Все одно не успеем?

– Погоди, – остановил его Арнвид. – А что будет дальше, если тех магов или богов не остановить?

Рауд Могучий хмыкнул, гнилым мясом завоняло сильнее.

– Рагнарёк не наступит! – изрек он. – Мир сойдет с предначертанного пути! Все извратит свою сущность, доброе станет гнусным, отвага – подлостью, боги – червями, а мокрицы – небожителями! Слава обратится позором, золото начнет ржаветь, и живущие испытают такие муки, каких не могут измыслить!

– Красиво, но мутно, – Нерейд, слушавший, без особого интереса, поскреб макушку.

– Яснее не могу, – буркнул Рауд. – Не все открыто даже взору мертвого, но уже то, что вижу я, заставляет меня радоваться, что я погиб, и желать, чтобы вы скорее последовали за мной.

– Сколько у нас времени? – спросил Арнвид.

– До следующего Йоля, до нового солнца.

– А плыть – год... – протянул Ивар, чувствуя, как опускаются руки, а сердце окутывает серая пелена уныния.

Со временем не по силам спорить даже самому отважному и умелому, что люди, асы и ваны, непомерно могучие хримтурсены склоняются под его тяжелой дланью, нет того, кто бы умел творить дни из ничего.

– Это обычными путями, – сказал хозяин кургана, и в голосе его прозвучало нечто вроде сочувствия. – Но есть дорога, что лежит севернее севера, и по ней можно провести драккар.

– Севернее севера? – Арнвид побледнел так, что стали видны жилки в глубине плоти, проглянули кости и хрящи черепа. – Ты имеешь в виду через Йотунхейм?

Рауд кивнул:

– Крепы ослаблены, границы открыты. Дерзайте, и может быть, у вас выйдет. При жизни я творил немало гадостей, после смерти коплю злобу, но той мерзости, что грозит всему миру, даже я не желаю... Никто не пожелает, ни дети Локи, ни он сам, скованный и мучимый!

– Да, я понял, – сказал Арнвид мертвым голосом. – Спасибо, и пусть боги даруют тебе свободу.

Он взмахнул рукой, и бело-синяя светящаяся сеть, натянутая на тело мертвеца, с шорохом исчезла. Рауд повел плечами, широкими, точно стол в таверне, улыбнулся и сгинул в темноте, словно рассыпался на черные песчинки, а те унесло ветром.

– Да пребудет с вами Один... – донесся снизу, будто из-под земли его слабый голос.

– Так я не понял, мы что, теперь на другой край земли поплывем? – спросил Нерейд. – Мир спасти от тамошних богов, что с глузду съехали? А сюда шли ради разговора с этим подземным хмырем?

– Все потом, – отрезал Арнвид. – Надо выбраться наверх, а потом уже думать, что делать...

Из погребальной камеры вылезли легко, словно из чужого погреба.

Камень ставить на место не стали, благо старый эриль заявил, что он ночью вернется самостоятельно. До места стоянки дошли в молчании, даже Нерейд ни разу не нарушил тишину, шагал мрачный, нахотенный, словно угодившая под холодный дождь ворона.

Драккар обнаружили там же, и поскольку Арнвид заявил, что на ночь лучше не оставаться, то Ивар отправил всех грузиться, а сам остался у костра с двумя эрилями.

– Ну, что? – требовательно спросил он, переводя взгляд с одного на другого. – Что делать будем?

– Ну, я не знаю... это, хм... – замялся Ингьяльд.

– В любом случае – уходить отсюда, – заявил Арнвид. – А что делать – решать тебе, и твоим людям. Если бы я мог, я бы один отправился на другой край Мидгарда, но дойдет туда лишь драккар...

– Они свободные люди, – сказал Ивар, тиская рукоять меча, – и в этом я не могу им приказать, это же не обычный поход, не битва, не осада... Выберемся на открытую воду, и я все им расскажу.

– Ты конунг – делай, что считаешь нужным, – Арнвид пожал плечами и тяжело, надрывно закашлялся.

Выйти из бухты оказалось сложнее, чем проникнуть в нее – пару раз едва не налетели на подводные скалы, одно весло сломали, отталкиваясь от прошедшего в опасной близости берега. Когда очутились в проливе между островом и материком, Ивар вытер пот со лба и повернулся к воинам.

– Слушайте меня! – начал он. – Все вы знаете, что я вожу корабль не потому, что знатен или богат, а потому, что вы выбрали меня, и сегодня вы должны решить, пойдете ли за мной дальше...

Лица у дружинников поначалу были удивленные, когда упомянул о том, что сказал черный альв, вытянулись, как лошадиные морды. Едва объяснил, зачем гнали сюда, для чего рвали жилы, орудуя веслами, кто-то выругался, кто-то недовольно хмыкнул или сплюнул за борт.

При упоминании Йотунхейма все смолкли, глаза выпучились, как у стада огромных раков.

– Это что, – сказал Скафти Утроба, когда конунг замолк, – нам теперь плыть туда и этих чужих богов наказывать?

Скафти отличался бычьей силой, неумоимо орудовал веслом, в бою как тростинкой махал тяжелой секирой, но вот соображал туго, и если уж до него дошло, то и остальные должны были сообразить.

– Да, – Ивар кивнул.

– А почему мы? Отчего нет кого посильнее? – выкрикнул один из молодых воинов, что прибил к дружине лишь в прошлом году. – Неужели все герои и боги, сколько их есть, ни на что не годятся?

– Видимо, не годятся, – сказал Ивар. – Раз судьба выбрала нас, то мы самые сильные! Ведь она сделала так, что узнали обо всем, и что можем успеть туда, где началась беда, и вырвать ее с корнем!

– С какого это перепуга нам отвечать за весь мир? – проворчал Рёгнвальд, скаля острые волчьи зубы.

– Настоящий мужчина всегда отвечает за тех, кто рядом! – почти прорычал Арнвид. – И не прячется в нору, если пришла беда для всех, и не надеется отсидеться за высоким забором! Много ли ты видел того мира, и знаешь ли ты, сколько раз обитатели иных стран отводили угрозу от Северных Земель?

Оскал Рёгнвальда поблек, желтые глаза озадаченно блеснули.

– Можем сделать вид, что ничего не узнали, – сказал Ивар. – Никто нас не попрекнет, что отправились по домам, не рискнули двинуться навстречу опасностям, какие не по силу одолеть человеку. Но как тогда будем смотреть в глаза близким, детям, женам, внукам, когда беды в Северных Землях умножатся, а мы будем знать, что могли сделать так, чтобы их не было совсем?

Дружинники переглядывались, чесали в затылках, покашливали.

– А точно беды умножатся? – спросил кто-то без особой уверенности.

– Ну ты же слышал? – буркнул Харек Стрела. – Мертвецы врать не могут, если их спросить как следует, да и альва знающим эрилям разговорить, что раз плюнуть... Да и сам видел, что творится?

Тут уж примолкли самые упертые.

Глаза есть у всех, да и уши тоже, и каждый замечает, что происходит вокруг – нападения троллей, что веками сидели в своих льдах и скалах, бури и морозы, свары и явление Ермундганда...

– Нам придется пройти через Йотунхейм, где очень давно не бывал никто из детей Мидгарда! – заявил Арнвид. – Разве предвкушение этого подвига не веселит ваши сердца и не горячит кровь?

– Мою – горячит, – признался Нерейд, – да вот только чую я, нас там не брагой и пряниками встретят...

– Если кто не захочет пойти с нами, то мы высадим его в Трандарнесе, – сказал Ивар. – Оттуда ходят корабли на юг, и вы сможете отправиться обратно в Трандхейм, или куда угодно.

Один из молодых воинов присвистнул, Даг скривился.

Вернуться домой одному, в то время как дружина пошла дальше – незавидный удел, прослывешь трусом, и никогда, до самой смерти не отмоешься от этого

пятна, даже если явишь потом чудеса храбрости.

– Вы как хотите... а я... – голос Ингьяльда срывался, но глаза горели. – Я с конунгом, даже если мы пойдем втроем!

– Вчетвером, – прогудел Кари. – Давно хотел с хримтурсенами силой померяться.

– Ну и я с вами, – добавил Нерейд, залихватски улыбаясь. – А то влезете без меня в какую передрагу, и выбраться не сможете. Что брага с пряниками по сравнению со славой? Пусть сгинем, но зато так, чтобы Фенрир подавился!

– И я, и я... – донеслось со всех сторон, затем отдельные выкрики слились в единый гул. – Веди нас, конунг!

– Слава Одину, я рад, что не ошибся в вас! – сказал Ивар, когда крики стихли. – Всякий правитель пожелает себе в дружину таких молодцов, и сам Харбард ныне завистливо поглядывает в нашу сторону. А сейчас на весла, парни, и идем на север! Времени мало!

Драккар шел вдоль побережья Халогаланда, и жители прибрежных деревень провожали его удивленными взглядами. В этих местах большие боевые корабли видели нечасто – воевать тут не с кем, в набег сюда не отправится даже самый жадный из морских конунгов.

На третий день после того, как ушли с Годея, вновь попали в метель.

Затянувшие небеса тучи разразились снегом внезапно, словно им одновременно распорол животы, а через мгновение за белой пеленой скрылся и берег, и скалистый островок прямо по курсу.

– Табань! – приказал Ивар, ощущая щекочущие прикосновения к лицу, и как тают осевшие в волосах снежинки.

В такой пелене идти опасно – налетишь на невидимый под волнами камень, и пойдешь ко дну, не успев добраться даже до Йотунхейма; а подвиги и славу заберет себе кто-то другой.

Метель закончилась быстро, но поднялся ветер, и усилилась качка.

Серо-зеленые волны выросли в настоящие горы, те принялись толкать драккар к берегу, грозя разбить его о сплошную стену утесов.

– Что за ерунда? – пробурчал Арнвид, закутанный в накидку из медвежьей шкуры. – Откуда такой ветер и буря в это время года?

– Ты сможешь что-нибудь сделать? – спросил Ивар. – Долго мы не продержимся.

Его корабль выстроен умело и надежно, гребцы как на подбор, но человеческие силы имеют предел.

– Попробую, – ответил старый эриль, подозвал к себе Ингьяльда, и они принялись совещаться.

Гудрёд орудовал рулем, гребцы напрягались так, что капавший с них пот смешивался с брызгами из-за борта. Весла трещали, и драккар удавалось пока держать против ветра, но они все равно проигрывали шаг за шагом, и полоса бурунов у подножия скал приближалась.

Ингьяльд вскинул руку, начертал руну, но ее будто сдуло ветром, вторая продержалась чуть дольше.

– Портки Лодура! – рявкнул Арнвид, выкрикнул что-то.

Ураган на миг стих, море успокоилось, но тут же забушевало еще сильнее.

– Усмирить эту бурю не в нашей власти, даже богам тут пришлось бы трудно. Можем придать силы гребцам, – сказал старый эриль, повернув к конунгу залитое водой лицо. – Если мы не войдем вон в ту бухту, – он ткнул на север, туда, где виднелся проход меж утесов, – то разобьемся.

– Давай!

Арнвид и Ингьяльд двинулись по проходу между скамьями, нанося священные знаки на плечи дружинникам. Кари вообще не заметил, что на нем что-то нарисовали, Нерейд подозрительно глянул на свое плечо, где мгновение светилась руна, Рёгнвальд зарычал...

– А теперь налегли! – крикнул Ивар, когда старший эриль проделал ту же операцию над младшим, а тот вернулся на место, взялся за весло. – Гудрёд, поворачивай к бухте! Раз-два! Раз-два!

Гребцы напряглись так, что захрустели жилы, драккар прыгнул вперед, разрезая тушу очередной волны. И так мокрого конунга окатило с головы до ног, на миг потерял из виду, берег, глотнул соленой воды.

От удара в борт корабль качнуло, так что драконья башка на штевне едва не слетела, но они шли, двигались в ту сторону, куда хотели сами, а не в ту, куда несли их волны! Вой урагана стал громче, в нем Ивару слышалось злобное разочарование, бессильный гнев.

Ветер трепал волосы на голове, едва не вырывал с корнем, по лицу текла влага.

– Давай! – орал Ивар. – Давай!

Ему хотелось сесть вместе с остальными, ухватиться за рукоять и ворочать тяжелой деревяшкой, но знал, что место конунга – на носу корабля, что пока он тут, все уверены и спокойны.

Арнвид, вцепившийся тощими ручонками в борт, смотрел остановившимся взглядом на волны, шептал что-то, то ли заклинал стихию, то ли просто вспоминал стихи. Море рычало, набрасываясь на берег, фонтаны пены взлетали там, где из водной глади возносилась стена скал.

Гудрёд вел корабль умело, рулевое весло ни на миг не отпускал, и свернул точно вовремя.

– Есть! – воскликнул старый эриль.

Драккар проскользнул в бухту, тут тоже были волны, но не такие большие, как в открытом море. Ледяной ветер и грохот остались позади, и Ивару в первый момент стало даже жарко, а уши на миг заложило.

Глава 4. Севернее севера

– Давай к берегу! – скомандовал он, вытирая лицо.

Бухта оказалась входом в небольшой фьорд, дальше скалы сходят на нет, видна ровная площадка, куда можно причалить, за ней зеленеет полоса леса, а уже затем поднимаются горы, невысокие, но как все здесь, на севере, дикие, при взгляде на острые пики больно глазам.

Дружинники ворочали веслами неторопливо, переводили дыхание, вытирали пот. Корабль скользил вперед неспешно, слегка покачивался на волнах, но перевернуться, как совсем недавно, не пытался.

– Дивная буря, необычная, – сказал Арнвид, лысина которого блестела от влаги.

– Если здесь такие, то с какими столкнемся на востоке, там, где обитают виновники всего этого безобразия? – спросил конунг.

Старый эриль подумал, ответил неуверенно:

– А там вполне может быть тишь да гладь. Сами не ведают, что творят, а отдается все вдалеке, родных земель не задевает. Поэтому и не чешутся, думают, что благородными делами занимаются.

– Одно непонятно, как мы их найдем? – Ивар вытянул шею, высматривая место, чтобы причалить. – Рауд ничего толком не сказал, и не очень понятно, кого вообще разыскивать...

– Найдем, не сомневайся. Волка узнаешь по волчьим ушам. Я запах дурного чародейства за тысячу миль почую.

Драккар подошел вплотную к суше, и пришлось бросить разговор. Пристали, торопливо вытащили корабль, чтобы, если буря разыграется, не смыло волнами. Вскоре в лесу застучали топоры, а Ингьяльд принялся разводить огонь, кляня ветер, сырость и собственные дрожащие руки.

Но когда пламя вспыхнуло, на лицах появились улыбки, а уж едва принялись за еду, рожи посветлели даже у самых замерзших и промокших дружинников. Начало темнеть, выставили стражу, но обычную, а не как на Годее, благо в окрестностях, похоже, не было даже троллей.

Буря к утру улеглась, и когда вышли в море, оно было тихим, как сытый котенок.

Гребли не особенно рьяно, но Ивар не понукал людей – силы пригодятся потом, да еще и не раз. Едва появлялся ветер, как ставили парус, и отдыхали, греясь под лучами нежданно разошедшегося солнца.

Так шли два дня, к вечеру третьего вошли в залив Тьяльдасунд, и тут одна за другой начали попадаться идущие на юг торговые шнеки. Купцы, зимовавшие в Финнмёрке, повезли в Трандхейм и дальше выменянные у финнов товары.

При виде боевого драккара одни шарахались в стороны, пытаясь уйти от встречи, другие не меняли курса, надеясь на удачу. Нерейд, да и прочие воины поглядывали на торговые корабли хищно, взглядами мерили, как бы подойти поближе, перескочить через борт, и пограбить всласть...

Но никто не возмущался, не намекал конунгу на богатую добычу.

Очередная шнека как раз сгнула за горизонтом, когда море вокруг драккара заволновалось. Снизу, из темной глубины поплыли огромные пузыри воздуха, похожие на сосуды из зеленого стекла.

– Это еще что такое? – спросил перевесившийся через борт Ивар.

– А йотуны его знает, – буркнул Арнвид, почесывая похожую на розовый валун макушку.

– Там что-то движется! – воскликнул Нерейд. – Прямо к нам!

В руках его объявился лук, на мгновенно натянутой тетиве возникла стрела.

Ивар и сам разглядел внизу нечто огромное, колышущееся, похожее на громадный клубок водорослей, только водорослей очень толстых, с ногу мужчины, и шевелящихся. Похолодел, различив глаз размером с бочку, холодный, немигающий, крикнул спешно:

– Кольчуги надеть, и всем на весла!

Вдруг еще получится уйти от морской твари?

Но не успели выполнить приказ, как из-под воды высунулось щупальце, грязно-бурое, усеянное присосками, хлестнуло по борту. Доски затрещали, Нерейд пустил стрелу, та булькнула, уйдя в волны, но попала или нет, разглядеть не удалось, поскольку море словно вскипело.

Вокруг корабля вырос настоящий лес из щупалец, драккар остановился так резко, словно налетел на скалу. Мачта с грохотом сломалась, только веревки не дали улететь за борт, кое-кто из воинов грохнулся с лавки.

Ивар на ногах удержался, рубанул по ближайшему щупальцу, рассек легко, брызнула голубоватая кровь.

– Оно уязвимо! – закричал конунг. – Рази его, во имя Одина!

Плоть у явившейся из глубины твари была мягкой, без чешуи, но сила в щупальцах крылась недюжинная – драккар сжало так, что тот затрещал, словно орех на крепких зубах, и Ивар даже подумал, что не выдержит.

Но воины уже рубили все, до чего могли достать, кто-то швырял копья, целясь туда, где за сплетением щупалец пряталась округлая туша, Нерейд и Харек пускали стрелы, тренькали тетивы. Огромная тварь ворочалась, ей было больно, и все никак не могла захватить корабль поудобнее, чтобы смять в лепешку вместе с людьми, а потом сожрать спокойно.

Она напоминала кальмара, да только не бывает кальмаров размером с крепостную башню.

Одно из щупалец упало сверху, разбило в щепу лавку, стоявший под ней сундук. Арнвид едва успел отскочить, пустил в ход меч. На помощь наставнику бросился Ингьяльд, вдвоем откромсали щупальце, словно исполинскую колбасу. То забилося, задергалось, точно попавший под лопату червяк, в стороны полетели голубые капли.

Второе обвилось вокруг Кари, попыталось сдвинуть его с места, берсерк зло усмехнулся и замолотил дубиной.

– Фшшхххх! – донеслось из глубины, и чудовищный кальмар подтянулся так, что корабль накренился.

Туша поднялась над водой, показался клюв, при виде которого сдох бы от зависти самый большой орел. Мигнули глаза, и в один из них вонзилась пущенная Нерейдом стрела. На корме заорали – там удалось перерубить толстое щупальце, с борта свалился один из щитов.

Тут тварь то ли решила, что веселья ей хватит, то ли обезумела от боли, но рывком подтащила себя еще ближе к кораблю.

– Дай сюда! – Ивар схватил брошенное ему дружинником копье, вспрыгнул на борт.

Корабль скакал, как обезумевший жеребец, ноги скользили, но ухитрился прицелиться, и метнул плавно, как надо. Острие вонзилось в мягко чавкнувшую плоть, из раны брызнул самый настоящий фонтан. Все щупальца выпрямились, кого-то, судя по негодующему воплю и грохоту сбило с ног.

Затем конечности подводной твари обмякли, глазищи закрылись, и громадная туша замерла.

– Похоже, готова... – сказал Арнвид, дышавший тяжело и хрипло, как дырявый кузнечный мех.

– Откуда только взялась? – Ингьяльд с отвращением глянул на клинок, заляпанный голубой жидкостью.

– Это и ежу понятно, что из морских глубин, где такие морды у Ньерда вместо птичек, – сообщил Нерейд так уверенно, будто сам был в гостях у морского владыки, пил с ним пиво и ходил по бабам. – На ветках сидят, порхают вовсю, разве что не чирикают, чтобы им лопнуть...

Мертвое чудовище спихнули в воду веслами, и оно поплыло в сторону, распластав щупальца. Открылся драккар – обломки сломанных лавок, разбитый сундук, из которого вывалилась кольчуга, куски мачты, обрывки паруса, и дружинники, разгоряченные, взмыленные.

– Ничего, дешево отделались, – сказал Ивар, спрыгивая с борта. – Сейчас порядок наведем, и дальше можно идти... Гудрёд, рулевое весло цело?

– Цело, конунг!

– Ну и отлично. А до бочонков с пивом морской гад добраться не успел, хотя наверняка к ним тянулся. Так, парни, хватит радоваться победе, все за дело, мы еще до цели не дошли...

Бухта, где располагался Трандарнес, была не особенно большой, но удобной, а сам городок напоминал скорее поселок – разбросанные в беспорядке домишки, среди которых выделяется размерами обиталище местного херсира, корабельные сараи, капище на холме.

И никаких укреплений – ни частокола, ни забора, обороняться тут не от кого.

В гавани теснятся небольшие суда, на каких удобно ходить на прибрежный промысел – за рыбой, тюленями, китами. Вода грязная, плавают очистки, чешуя, пятна жира, и разит ворвань так, что хочется зажать нос или немедленно обзавестись насморком.

– Да уж, это не Миклагард, – сказал Нерейд, когда они подошли к свободному участку берега.

– А ты чего ждал? Дворцов и садов? – Ивар усмехнулся.

– Это он так, ворчит, к старости готовится, – влез Арнвид. – Как выяснится, что тут есть таверна, сразу все изменится, а уж как станет ясно, что и девки имеются, Болтун решит, что место это не хуже Вальхаллы.

Дружинники грохнули хохотом, Нерейд заржал вместе со всеми – понятно, что викингу после дальнего перехода не до роскоши, выпить бы хмельного, съесть горячего и подгрести к себе что-нибудь теплое.

Ивар спрыгнул на берег первым, вытащили драккар, и тут же около него объявились любопытные.

– Привет вам, доблестные воины, – заявил лысоватый мужик, такой грязный, словно не мылся с прошлого лета, но с мечом у пояса и с острым взглядом хищника. – Каков был путь?

За его спиной переминались еще двое, детина поперек себя шире с лицом простака, а также молодой парень, рыжий, как костер. Вид эта троица имела звероватый, рук от оружия далеко не убирали, напоминали рыбаков, пастухов и викингов одновременно.

– Слава асам, – коротко ответил Ивар. – Как у вас тут, есть, где пива выпить?

– А как же? – лысоватый заухмылялся, показывая, что с его зубами судьба обошлась не особо милостиво. – Меня звать Тормод Волокуша, и меня в Трандарнесе всякий знает, и я всех тут знаю...

Он напрашивался на сдобренный выпивкой разговор, но конунгу все равно нужен был местный, кто и торговцев здешних знает, и о том, что в Финнмёрке творится, рассказать может.

– Это хорошо, – Ивар повернулся, махнул рукой. – Нерейд, Арнвид – со мной. Гудрёд, вы кораблем займитесь...

Громадный кальмар разломить драккар не смог, но помял здорово, кое-где появилась течь. Так что здесь, в Трандарнесе, придется простоять пару дней,

залатать днище и борта, а заодно прикупить все, что может понадобится в дальнем путешествии.

– Пошли, друг, показывай дорогу, – Нерейд хлопнул Тормода по плечу так, что тот присел. – Мы тебе пиво, а ты нам новости. Да, и не забудь сказать, – он понизил голос, – девки у вас тут найдутся?

Да, если Болтуна занесет в Вальхаллу, валькириям несладко придется, а коли окажется в Хель, то и у тамошних обитателей первым делом поинтересуется насчет выпивки и женского пола.

Таверна обнаружилась рядом с гаванью, просторная, с низким потолком и крохотными оконцами. Чтобы пройти в дверь, Ивару пришлось согнуться, под ногами зашуршала грязная солома, зато нос ощутил запах рыбной похлебки, лука и жареного мяса.

– Жрать будете? – спросил хозяин, маленький и могучий, словно цверг, только что не бородатый.

– Будем, – согласился Нерейд, – и пить, так что тащи все, что найдешь в своей конуре.

Хозяин сердито заворчал, но замолк, увидев блеснувшую в руке Ивара серебряную монету. Засуетился, даже зажег несколько факелов и смахнул с самого большого стола куриные косточки.

Едва расселись, притащил блюдо с копченой селедкой, бочонок и кружки.

– Вот, славно! – Нерейд ловко выбил донышком. – Клянусь подолом Фригг, пахнет неплохо...

Пиво полилось в кружки, Тормод жадно сглотнул, в глазах его приятелей мелькнула жадность. Ивар принял свою посудину, опрокинул одним махом, и ухватил с блюда самую крупную рыбину.

Арнвид вовсю чавкал, чистил селедку так, что в стороны летели клочья чешуи.

– Ну что, дружище, выпей еще, – не успокаивался Болтун. – И расскажи, что у вас тут нового...

Когда нужно кого-то разговорить, нет никого лучше Нерейда – этот развяжет язык даже Видару.

Хозяин приволок миски с рыбной похлебкой, затем блюдо жареного мяса.

Тормод и его приятели выпили еще по одной, и вовсю болтали, рассказывая, что да как в Трандарнесе и вообще на острове Хинн. В таверну потихоньку стягивались местные, слухи о том, что в гавань зашел драккар, наверняка уже расползлись по городку. На Ивара и его спутников смотрели с любопытством – человек новый, в этих местах не появлялся, но по всему видно, что бывалый.

Конунг же спокойно ел, поглядывал по сторонам, и слушал.

Здесь не Бьёргюн, не Конунгахелла и не Арос, где викингов – как ворон на дохлой корове, тут с ними вряд ли затеют драку или попытаются ограбить, но выяснить, кто они и чего хотят, попытаются.

Успели покончить с мясом, когда в таверну вошел местный херсир, высокий, мощный, в подбитом соболем плаще.

– А ну отсыдьте! – рыкнул он так, что колыхнулось пламя факелов, и захмелевший Тормод с дружками начали поспешно выбираться из-за стола.

Херсир уселся на освободившееся место, лавка скрипнула под весом двух явившихся с ним здоровенных телохранителей. Три пары глаз впились в лицо Ивару – понятно, что он тут старший, с ним предстоит разговаривать.

– Кто такие будете? – спросил херсир.

– Звать меня Ивар Ловкач, – сказал конунг. – Угощайся, отведай нашего пива...

– Ловкач? – херсир отпрянул, посмотрел с недоверием – наверняка слышал, что есть такой вождь викингов, и о походах его, но представлял того огромным и страшным. – Ты?

– Он-он, – подтвердил Арнвид. – Или не веришь? Думаешь, что мы врем?

– Ну, верю... – херсир чуть смутился, затевать свару не хотел. – Куда направляетесь, что у нас надобно?

– На север, – сказал Ивар. – Хотели бы драккар починить, да и купить кое-чего.

Рассказывать, куда и зачем они идут, не собирался – не поймут, а если и поймут, то неверно, решат, что знаменитый морской конунг обманывает, или вместе со всей дружиной сошел с ума.

– На север? – херсир выпучил глаза, подвигал светлыми, будто выгоревшими бровями. – С финнами торговать? Это можно, только не забудьте, что тут всем я заправляю, и что без пошлины на юг ни один корабль не уходит...

Все ясно – каждый хозяин под себя все, что рядом, гребет, и этот не исключение.

– Мы не торговцы! – высокомерно бросил Нерейд, вздернув подбородок. – Неужели не видно?

– А мне все равно, видит Херьян, – сказал херсир. – Ладно, оставайтесь пока, располагайтесь, потом разберемся, что вы за заброды.

И он, тяжело поднявшись, затопал к дверям таверны.

– Так, этот сюда! Осторожнее, разрази вас Мьелльнир! – Ивар командовал, а дружинник растаскивали по драккару, распихивали по свободным местам коробки с острым сыром, ящики с сушеной рыбой, бочки с пивом. – Выронишь за борт, я тебя следом отправлю!

Последняя фраза относилась к Кари, в огромных ручищах которого бочонок выглядел кружкой.

Обнаженные по пояс, взмыленные воины сновали туда-сюда, сходни гроыхали под ногами. Расположившийся около рулевого весла Арнвид с интересом

наблюдал за суетой, время от времени влезал с советами, его посылали, но вежливо – все же эриль, да и не молод.

На берегу торчали зеваки из местных, стояли, разинув «клювы».

В гавани Трандарнеса драккар с Кровавым Глазом на парусе простоял полтора суток. За это время смогли привести в порядок борта и днище, сделать новую мачту и обойти местных торговцев. Ивар приобрел теплой одежды на всю дружину, и продуктов столько, что хватит на месяц плавания.

Поглазеть на корабль успели все жители крохотного городка, пару раз являлся херсир с телохранителями, но в разговоры больше не вступал, смотрел издали. В таверне, как выяснил пронырливый Нерейд, начали болтать, что морской конунг идет добывать клад, запрятанный то ли асами, то ли Велундом на одном из северных, вечно закованных в лед и снег островов.

Ивару эта болтовня не нравилась, но пресечь ее не смог бы и Один, явись он в Трандарнес.

– Последний, – прогудел Кари, затаскивая на борт огромный ящик.

– Хорошо, – сказал Ивар. – Наконец-то мы уберемся из этой вонючей дыры. Эй, все к бортам!

Один из зевак со всех ног побежал прочь, понесся вдоль берега гавани.

Дружинники навалились, и нагруженный драккар, тяжелый, словно нажравшийся рыцарей дракон, лениво пополз к воде. От деревянной туши пошли в стороны волны, колыхнули плававший в гавани мусор, запах рыбьих кишок стал сильнее.

Ивар взобрался на борт последним, подумал, что когда-то это выходило куда ловчее, что рано или поздно придет час, когда он не сможет водить дружину, и придется осесть на берегу к радости Рагнхильд...

– Весла на воду! Вперед, во имя Одина!

Едва не задела носом одно из рыбацких суденышек, на нем появился хозяин с мечом на поясе. Говорить ничего не стал, но проводил чужаков взглядом мрачным, словно ворота в Хель, сплюнул за борт.

Две шнеки, стоявших у противоположных берегов, резво пошли навстречу друг другу, перекрывая дорогу.

– Они что, рехнулись?! – гаркнул Ивар. – Табань!

Не хватало еще столкнуться с местными дураками, вновь повредить корабль...

На носу одной из шнек появился херсир в кольчуге и шлеме, с копьем и щитом. Злобно оскалился, по сторонам от него встали вооруженные воины, такие же выстроились и на второй шнеке.

– А, так это нас грабить собрались, – сказал Арнвид с облегчением, и шмыгнул носом.

– Стойте! – приказал херсир, словно разогнавшийся боевой корабль можно было остановить движением руки.

– В чем дело? – спросил Ивар, краем уха слыша доносившийся из-за спины металлический шорох: дружинники вооружались, не дожидаясь приказа конунга, и правильно делали.

– Видят боги, вы намерены овладеть богатством, что по праву принадлежит мне! – херсир, похоже, поверил в байку про закопанное на северных островах золото. – И либо вы берете меня с собой, и мы делим все по справедливости, либо вы все погибнете тут!

– Ты уверен? – Ивар ухмыльнулся и махнул рукой.

Лучники спустили тетивы, и двое воинов рядом с херсиром упали.

Шнека ниже бортами, с нее сражаться можно, но не так удобно, да и воины из жителей Трандарнеса похуже, чем битые ветрами всех морей, покрытые шрамами викинги. Понятно, что на двух кораблях людей больше, но вряд ли им

приходилось биться так много, как Нерейду или Дагу.

Ивар выхватил меч, и лезвие победоносно сверкнуло в лучах полуденного солнца.

– Сзади еще две шнеки! – предупредил с кормы Гудрёд.

– Ничего, мы им не дадим шанса вступить в драку... Одину слава!

Херсир отдал команду, и воины его сгруппировались теснее, образовали стену щитов, выставили копья.

Ивар запрыгнул на борт, выждал, когда корабли сойдутся теснее, и скакнул на чужой. Увидел выпученные глаза трандарнесцев, решивших, что чужак впал в боевое безумие, в последний момент ухватился за свисавшую с реи веревку, подтянул себя вверх.

Два копья ударили рядом, одно задело рубаху на боку, другое зацепило сапог.

А он, подтянувшись на одной руке, перебросил себя через врагов и приземлился на палубу. Дважды ударил, и два воина, чьи кольчуги не выдержали ударов, рухнули, на доски хлынула горячая кровь.

В брешь ворвался Кари, отшвырнул еще одного с такой силой, что затрещали кости.

– Они не... – закончить фразу херсир не успел, стрела вонзилась ему прямо в глаз, вошла в череп, и Нерейд, сделавший удачный выстрел, радостно замахал руками, завопил нечто торжественно-непотребное.

Ивар срубил третьего, еще один трандарнесец пал от рук ворвавшегося в схватку Ингьяльда. Остальные не выдержали, с топотом ринулись прочь, срывая шлемы и кольчуги, торопясь отбросить оружие. Плеснуло, когда за борт скакнул самый шустрый, затем плеск стал непрерывным, словно била хвостом крупная рыба.

– Что, уже все? – недовольно спросил Кари. – Я только разогреваться начал...

– Ради кого тут разогреваться? – Ивар хмыкнул, пожал плечами.

Среди брошенных щитов, что устлали палубу шнеки подобно листьям, кто-то завозился. Откатился в сторону помятый шлем, и на карачки поднялся Тормод Волокуша, тот самый, с которым пили в таверне.

Похоже, свои во время бегства его чуть не затоптали – лицо было ошарашенное, под глазом набухал синяк.

– Давай его в жертву Одину принесем? – предложил Ингьяльд. – Чтобы дорога оказалась легкой и вообще...

– Не надо! Не надо меня в жертву! – Тормод бухнулся в ноги Ивару, принялся колотиться башкой о палубу. – Могучий конунг, не погуби меня! Возьми лучше с собой, я тебе пригожусь!

– Пригодишься? – Ивар в сомнении оглянулся.

Свободные места на драккаре есть, но стоит ли сажать на одно из них этого лысого хитрована?

– Лучше в жертву, – гнул свое неожиданно впавший в кровожадность Ингьяльд.

Ивар уже потащил из ножен клинок, когда неожиданно вмешался Арнвид.

– Давай возьмем, – сказал он. – Этот тип должен знать берег дальше к северу, а нам еще идти да идти... и удачей не обделен, иначе затоптали бы в этой свалке или попал бы под дубину Кари.

Ингьяльд сморщился недовольно, но спорить с бывшим наставником не стал.

– Как скажешь, – Ивар задвинул меч обратно. – Вставай, Тормод, и залезай на корабль, клятву потом принесешь...

Волокуша радостно закивал, и бросился к борту чуть ли не вперед конунга. Забрались на драккар, и тот пошел дальше, растолкав в стороны опустевшие

шнеки. Гавань Трандарнеса с плывущими к берегу горе-вояками осталась позади, а вскоре город скрылся из виду.

Мимо тянулись берега Финнмёрка, неприветливые, холодные, изрезанные фьордами.

Попадались лежбища тюленей и моржей, просторные, протянувшиеся чуть ли не на мили, заполненные огромными, сытыми животными. Лоснящиеся туши лежали тесно, слышались рев и ворчание, сверкали клыки, что ценятся немногим дешевле золота. На людей поглядывали с опаской, если казалось, что корабль идет слишком близко, неуклюже ползли к воде, с плеском уходили в волны.

Пронзительно орали птицы, чьи колонии были в прибрежных скалах.

Солнце пряталось за горизонт все неохотнее, а на третий день после того, как покинули Трандарнес, и вовсе не ушло целиком, зацепилось за край горизонта, а затем полезло обратно вверх. Но светило при этом слабо, а цвета было белого, точно старый, слежавшийся лед.

Дважды встречали китов, один раз нескольких небольших, в другой раз настоящего гиганта, в два раза больше драккара, что выбросил струю на такую высоту, куда не достанут ветви столетней сосны.

Тормод обжился на корабле, поладил со всеми, к нему привыкли и стали принимать за своего. Выяснилось, что уроженец Трандарнеса знает десятки неприличных и смешных историй о богах, йотунах, альвах и даже цвергах, а рассказывать их готов непрерывно.

Нерейд сначала ревниво пыхтел, затем махнул рукой.

На четвертый день берег стал плоским, прямо к морю подошел язык покрытой мхом равнины. Тут увидели финнов, сопровождавших огромное стадо оленей, рогатых и бурых, неспешно топтавших землю копытами.

Обитатели Финнмёрка заорали, замахали, приглашая драккар причалить, но Ивар лишь вскинул руку в ответном приветствии: они явились сюда не торговать, и ни к чему тратить время на болтовню.

Вскоре земля ушла на восток, на севере осталось лишь море, усеянное белоголубыми глыбами припорошенного снегом льда.

– Теперь туда, – сказал Арнвид. – Еще немного.

– Да пребудут с нами асы... – прошептал Ивар, и махнул, указывая Гудрёду курс.

Викинги присмирели, разговоры затихли – в этих морях мало кто бывал, и болтали о них в припортовых тавернах разные небылицы. Берег скрылся из виду, и начало холодать, так что пришлось достать из тюков купленные в Трандарнесе одежды – меховые штаны, куртки с капюшонами.

– Там дальше есть еще острова, и среди них большие, – сказал Тормод, когда задул попутный ветер, и поставили парус. – Но на них никто не живет и ничего не растет, только камни и лед, а в нем – замороженные звери, огромные, с клыками в пасти.

Ивар посмотрел с сомнением – откуда взяться трупам, если никто не живет и ничего не растет?

– А что еще севернее? – спросил кто-то из молодых дружинников.

– Никто не знает, если кто и ходил туда, то не вернулся, – Волокуша поежился. – Но мы-то куда идем?

Ему до сих пор так и не объяснили, куда направляется драккар, расспросы встречали молчанием.

– Скоро узнаешь, – пообещал Арнвид, закутанный в меха так, что из них торчал лишь кончик покрасневшего носа, да блестели из-под капюшона глаза. – Завтра уже, я чую, можно будет тебе сказать...

И он с шумом понюхал воздух.

К вечеру пал туман, а утром, проснувшись, Ивар обнаружил, что все на драккаре покрыто инеем. С трудом откинул промерзшее одеяло, с него посыпалось белое крошево, скинул ноги с лавки.

Старый эриль, похоже, вовсе не спал – сидел на носу нахохленный, глядел в туман. Тот за ночь, отличавшуюся ото дня тем, что солнце висело ниже, даже загустел, стал напоминать разбавленное молоко.

– Ты встал? – Арнвид повернул голову, хрустнули позвонки. – Тогда буди Ингьяльда, займемся делом...

– А остальные?

– Пусть спят. Я не знаю, сожги меня Сурт, что у меня выйдет и выйдет ли вообще.

Эриль затеял чародейство опасное, сложное, и боялся, что они вместе с кораблем могут сгинуть в один миг. Умереть во сне, конечно, не так приятно и почетно, как в бою, когда вокруг свистит сталь и течет кровь, но лучше, чем с поджатым от творящегося непотребства хвостом.

Ингьяльд вскинулся, едва конунг тронул его за плечо.

– Пора, – прошептал Ивар.

На соседней лавке заворочался Даг, мощно всхрапнул во сне Кари, но никто не проснулся. Вдвоем вернулись на нос, где Арнвид скинул куртку с капюшоном, остался в одной рубахе, а с пояса снял нож с острым и узким лезвием, каким удобно вырезать руны.

– Давай, – сказал он, и в руках Ингьяльда появился такой же клинок.

Оба встали по разным бортам, принялись размахивать руками, чертить в воздухе сложные символы. Ивар услышал скрежет, на миг показалось – вырезают на тумане, что сдавил драккар со всех сторон, стиснул в огромных белесых ладонях.

Некоторое время не происходило ничего, лишь плескали за бортом волны да продолжал храпеть Кари.

Потом вязаная руна, похожая на дерево с множеством веточек, вспыхнула особенно ярко, за ней загорелись другие. Туман выцвел, исчез, стало видно, что в миле справа тянется ледовое поле, а слева неподалеку проплывает айсберг, похожий на исполинский стол.

Солнце глянуло на драккар оком больного бога.

– Начали! – сказал Арнвид, и все вокруг исказилось, точно волна пошла по бортам корабля, по лавкам.

Ивару захотелось сморгнуть, закрыть глаза, но он сдержался, лишь крепче сжал эфес. Ощутил, что в лицо ударил ледяной, вышибающий слезы ветер, хотя уши не уловили ни звука.

Показалось, что корабль падает, идет вниз, словно на глади моря возник громадный водоворот. За бортами появились две стены из белых искр, пошли навстречу друг другу, будто они мчались через сужающийся тоннель. Ветер достиг невероятной силы, едва не выворачивал глазницы, ревел внутри черепа, хотя снаружи не ощущалось ни дуновения.

Арнвид захрипел, откинулся назад, на его шее надулись жилы, толстые, как веревки. Ингьяльд попытался шагнуть к бывшему наставнику, но не смог, что-то невидимое помешало ему, завис, точно попавшая в смолу муха, лицо перекосилось от усилия.

Раздался звук, какой издает лопнувшая тетива, только очень уж мощный, словно разорвалась жила на луке длиной с милю. Ивар на миг оглох, уши пронзила боль, а когда исчезла, то сообразил, что пропал и ветер, что вокруг то же самое море и клубящийся туман.

– Не... вышло?.. – спросил он, с трудом ворочая одеревеневшими губами.

– Почему, – Арнвид поднял руку, указывая на юг, и произнес нараспев: – Солнцем люди зовут, а боги – Светилом, Друг Двалина – карлики, турсы – Пылающим,

Ободом – альвы, и асы – Пресветлым.

Там, где недавно висело бледное, ледяное солнце, пылал клубок огня, крохотный, но яростный. А ниже виднелся берег, которого только что не было – холмистый, неприветливый, покрытый скалами.

– У нас получилось... – прошептал Ингьяльд, с губы которого текла кровь. – Не верю...

Оба эриля дышали тяжело, руки их дрожали, страшно было представить, какое напряжение оба перенесли только что. Но Арнвид не мерз, хотя вокруг по-прежнему царил свирепый холод, от лысины поднимался пар, а в серых глазах младшего эриля плескалась радость.

– Чего это? – невнятно произнес поднявший голову Даг. – Где мы?

Следопыт мгновенно сообразил, что нечто изменилось – похоже, учуял в воздухе недоступные другим запахи. Глаза стали тревожными, а затем выпучились, когда обнаружил чудное солнце и землю в его лучах.

– В Йотунхейме, – сказал Ивар медленно, словно пробуя на вкус это название.

Да, бывали в разных местах, на тропе дэвов, в Фэйрилэнде, Тридесятом царстве и даже в обители ацтекских зверобогов, но на родину свирепых великанов, что в древности на равных бились с самими асами, не попадали никогда. Кто знает, как тут встретят, и получится ли выбраться отсюда там, где надо, вернуться в Мидгард, жилище людей?

Даг вскочил, схватился за борт, рот округлился, словно гузно собравшейся снести яйцо гусыни.

Викинги просыпались, ворочали головами, на лицах появлялось недоверие, многие щипали себя, дергали за уши, пытаясь развеять морок. Туман бледнел, расплывался под лучами светила, и мир вокруг становился четче, яснее – синеватое море, серое, а не голубое небо.

И огромной зеленой тучей в зените – крона исполинского ясеня.

– Вот он, Иггдрасиль, – с благоговением сказал Арнвид, разглядывая ветки, что с земли выглядели прутиками, а на самом деле были толщиной с холм. – Он виден и из нашего мира, но лишь эрилям, и не так четко, как тут.

Ивар различил ствол, уходивший за горизонт на юге, призрачный, обманчиво тонкий – солнце висело в стороне от него, непривычно маленькое, размером с горошину, но косматое от протуберанцев.

– Конунг, я что, сплю? – жалобно воззвал со своей скамьи Нерейд.

– Нет, не спишь.

– Так это... это... – Болтун повел вокруг себя рукой. – На самом деле? Это Йотунхейм?

– О боги... – Тормод изменился в лице, упал на колени. – Как? Как?

Прозвучало это словно карканье осипшей вороны.

– Ты сам напросился с нами, – сказал Ивар, – теперь не жалуйся. Так, кто еще дрыхнет? Скафти? Пните его в бок кто-нибудь. Надо подниматься, и на весла, идем на восток.

Пока опасности не видно, но лучше не рисковать, и убраться из Йотунхейма побыстрее. А для этого нужно добраться до места, откуда перенесешься на восходный край Мидгарда.

– Это верно, – только тут Арнвид вспомнил про теплую одежду, принялся спешно натягивать куртку.

Скафти безжалостно растолкали, и он ухватился за весло, еще не проснувшись. Лопasti вспенили синюю воду, и драккар, развернувшись, двинулся на юго-восток. Берег приблизился, различили, что земля покрыта черным мхом, кое-где торчит бурая трава.

Скалы лежали повсюду, точно раскиданные фигуры для игры в тавлеи, красноватые, серые и черные, бока их поблескивали. Трещины превращали

некоторые в подобия огромных уродливых лиц – гневно перекошенных, глупо улыбающихся или яростно скалящихся.

Ивару показалось, что одна из них шевельнулась.

– Йотун... – изменившимся голосом сказал Арнвид. – Почти как тот, в Бретланде...

Скала качнулась, распалась на части, и поднялась на толстые, как колонны, ноги. Колыхнулся плащ из дюжины медвежьих шкур, и громадное, в два десятка локтей подобие человека поднесло ко лбу ладонь.

Исполин был таким же, как тот, которого убили по просьбе конунга Артура – длиннорукий и плечистый, с короткими кривыми ногами и серой, точно камень, кожей. Разве что этот носил одежду, в ручищах держал дубину из цельного ствола, а на поясе у него болтался нож.

Человек смог бы им рубиться как мечом.

– Хрррр... – проревел йотун, чьи пылающие глаза смотрели прямо на корабль. – Люди?

Шагнул вперед, и вдруг заревел, будто прищемил палец.

Из-за скал, непонятно откуда, словно прямо из-под земли начали выбираться еще гиганты, такие же серокожие, с длинными спутанными волосами, в одежде из шкур, с дубинами и каменными топорами. Первый подобрал валун размером с сарай, примерился и швырнул в драккар.

Ивар невольно пригнулся.

Свистнуло, камень пролетел много выше, булькнулся в волны, неторопливо пошел в глубину.

– Давай-ка чуток мористее! – крикнул Ивар.

Гудрёд повернул руль, они сменили курс, но йотуны уже все, а было их около дюжины, принялись швырять валуны в драккар. Один упал рядом, брызгами

окатило гребцов, волна плеснула в борт, а с берега долетел раздраженный крик, сменился хохотом.

– Вот морды здоровые, – сказал Арнвид. – Развлекаются... скучно им, видать...

– Что бы без нас делали? – спросил Ивар, отслеживая полет очередного камня, даже не камня, а скалы.

Такая если попадет, проломит борт, а то и днище, и придется либо тонуть, либо спешно идти к земле, где поджидают гостеприимные хозяева, подпрыгивают так, что земля подрагивает...

Скала не долетела, упала за кормой, едва не сломала рулевое весло, и вымокший с ног до головы Гудрёд недовольно поморщился.

– Как? – старый эриль пожал плечами. – Как люди, наверное... морды друг другу бьют, пиво пьют...

Эти йотуны выглядели не такими дикими, как их родич в Бретланде, их вполне можно было представить за кружками с хмельным напитком, или за простой работой вроде рыбалки или выпаса овец.

Драккар понемногу уходил, глыбы камня больше не долетали, и гиганты потеряли к нему интерес. Побрели прочь от моря, кое-кто улегся прямо на берегу, а первый спустился к воде, и начал вытягивать из нее сети, настолько длинные, что их хватило бы перекрыть гавань Миклагарда или обмотать дворец тамошнего императора.

Глава 5. Йотунхейм

На ночлег встали в устье большой реки, такой холодной, словно текла прямо с ледников. Ивар замерз, пока вытаскивали корабль на берег, да и остальным пришлось не лучше – губы посинели, лица посерели, в руках и ногах объявилась мерзкая дрожь, какую ни удержать, ни прогнать.

Нескольких дружинников с топорами отправили в заросли странных деревьев, похожих на огромные елки, только с черными иголками. Застучали топоры, донеслись проклятия – в почти полной тишине, царившей на берегу моря, звуки разносились очень далеко.

Птиц в Йотунхейме, похоже, не было, ветер молчал, не шумели волны.

– Чего это они там? – повернул голову Арнвид. – Нападение?

– Если бы нападение – от радости вопили бы, клянусь козлами Хлорриди, – сказал Нерейд. – Хоть какое, да развлечение... Лучше скажи, отчего тут так холодно. Я в жизни так не мерз, до костей пробирает, и даже глубже.

– Здесь дальше от Муспелльхейма и от Асгарда, чем у нас, а все тепло оттуда.

Болтун скорчил недовольную рожу, и отправился помогать рубщикам – помахав топором, точно согреешься.

В лесу дело шло не особенно шустро – древесина у черных елей была куда более вязкой, чем у обычных, и топоры вязли в ней, как в смоле. В речной воде скользили темные стремительные силуэты, иногда пробивали водную гладь, высывали головы, мало похожие на рыбы.

– Надо бы поймать одну! – загорелся Ингьяльд, и вскоре уселся на берегу с удочкой в руках.

Насадил голову от сушеной рыбы, и вскоре подсек, вытащил на берег нечто извивающееся, чешуйчатое, с короткими лапками. Рядом объявился Арнвид, эрили вдвоем склонились над добычей, принялись размахивать руками, оживленно спорить, а старший даже вытащил нож.

– Этого развлечения им надолго хватит, – заметил Гудрёд.

– До самого утра, – хмыкнул Ивар, – и стражу можно не ставить.

Из леса явились рубщики, злые, словно тролли, но зато согревшиеся, притащили дров. Темная древесина, вопреки опасениям, вспыхнула ярко, жарко,

в оранжевом пламени замелькали синеватые искры.

Солнце к этому времени зашло, но не очень глубоко, и над краем земли остались торчать протуберанцы, напоминавшие белесые лохматые щупальца.

– Ну что, Арнвид, вы со своей рыбалкой все одно спать не будете? – спросил Ивар, когда опустошили котелок, и Тормод отправился к реке его мыть. – Может быть, и посторожите заодно?

– Полночи посторожим, – отозвался старый эриль. – А потом замену надо.

Стражу распределили, конунг завернулся в одеяло, и лег неподалеку от костра, поближе к драккару. Заснул быстро, а вот спал плохо – мерещился отдаленный рев, грохот, вздрагивала земля, вынуждая вскидывать голову, прислушиваться, а затем переворачиваться на другой бок.

В один момент открыл глаза, и понял, что замерз.

– Что они, все задряхли, что ли? – пробурчал Ивар, поднимая голову.

На месте костра виднелось пятно из серого пепла, рядом дремал, едва не уткнувшись мордой в землю, Хакон с Бугров. Громко сопел Арнвид, храпел еще кто-то, низко висело солнце – шар тусклого белого огня, над холодной прозрачной рекой плыл туман.

А из него торчал утес, которого вчера не было.

С трудом ворочая оледеневшими конечностями, Ивар вскочил, выдернул из ножен меч. Утес качнулся, наклонился вперед, очертания его стали более четкими – огромная, как пивной валун, голова, могучий торс, скрещенные ноги в сапогах, на каждый пошло кожи с целого быка.

В бородке и волосах блестел иней, глаза были пронзительно-голубыми, кожа на лице посверкивала морозными искорками.

– Не суетись, – сказал великан негромко, и от его холодного дыхания волосы на голове Ивара зашевелились. – Если бы я хотел, я перебил бы вас сонными.

И не вини своих воинов – наведенную мной дремоту не в силах отвести ни один чародей Срединного Мира.

– Кто ты? – спросил конунг, уже понимая, что знает ответ.

Перед ним сидел хримтурсен, один из древних великанов инея, что возникли раньше богов, и долго воевали с ними. Если йотуны были просто тупыми громилами, то отпрыски Бергельмира владели древней мудростью, странным чародейством и умели такое, что не могли даже асы.

– Меня зовут Хормвитнир, – сказал хримтурсен. – Опусто оружие, доблестный муж, и поговорим.

Размерами он был не больше любого из йотунов, но выглядел куда более опасным. В нем чувствовалась мощь готового сойти в долину ледника, тлеющая ярость находящегося на грани извержения вулкана, скрытое бешенство земли, беременной землетрясением.

И еще от великана шел холод, вокруг него кружились снежинки, падали наземь.

– Хорошо, поговорим, – Ивар меч опустил, но в ножны не убрал: кто знает, что задумает это порождение камня и льда в следующий момент? – В речах своих буду меру блюсти, с хладноробрым соймся.

– Ты знаешь предания, и это хорошо, – Хормвитнир улыбнулся, и исходивший от него холод усилился, на драконьей голове, украшавшей штевень драккара, появились сосульки. – Другое хуже, вы без позволения хозяина заночевали на моей земле, порубили мой лес...

– Кто же знал, что он чей-то? – Ивар пожал плечами. – Но если ты хочешь возмещения, то я готов его выплатить.

Хримтурсен кивнул:

– Хочу, но не золота или серебра. Ты расскажешь мне, кто вы такие и куда направляетесь. Асы и альвы иногда появляются в наших пределах, изредка забредают цверги, но вот людей я не видел очень давно. В давние времена,

лет пятьсот тому, – мохнатые брови с усилием сдвинулись, льдисто-синие глаза блеснули задумчивостью, – появлялся один... или даже двое, что снискали особую милость Ганграда.

– Мы ничьей милости не сыскали, да и не ищем, – сказал Ивар, и начал рассказывать.

Хормвитнир слушал молча, лишь иногда покачивал головой, хмурился и поглаживал бороду. На коленях его лежала дубина, непонятно из какого материала сделанная, шипастая и белая, как снег, и вполне способная переломить драккар пополам одним ударом.

– Ничего себе... – протянул он, когда конунг замолк, и в голосе хримтурсена Ивару послышался грохот сходящей по склону лавины. – Надеюсь, ты понимаешь, что вы взялись за дело не по силам смертных?

– Понимаю. Но если вы, могучие и умелые, не беретесь, что делать нам? Сложить лапки и ждать смерти?

Хормвитнир рассмеялся на удивление мягко, и тихо, и сосульки на драконьей голове зазвенели, словно колокольчики.

– Так поступают лишь трусы и глупцы, – пророкотал великан. – Ты не из таких, я вижу... Решили найти, кто виноват, взять его за глотку и придушить, а путь срезать через Йотунхейм...

– Уже приходилось делать такое, – сказал Ивар.

Вспомнился чародей по имени Золотуштра, в пьяном безумии решивший уничтожить целые народы. Чтобы добраться до его башни, пришлось одолеть леса и горы, пройти через десятки схваток, и не только с людьми, но все же тогда они справились, как справятся и сейчас...

– Да? – хримтурсен вновь погладил бороду, с нее посыпался иней. – Возможно такое, ибо только в вашем роду появляются герои, что способны перевернуть мир. У нас в Йотунхейме тоже не все ладно в последнее время, страшная жара иссушает земли, реки выходят из берегов.

Ивар покачал головой – если это страшная жара, то какой мороз тут царит обычно?

– Но у нас запрягают медленно, – продолжил Хормвитнир. – Пока еще только самые шустрые начали задумываться, как исправить, но соображать будут еще годы, макушки чесать, надеяться, что пронесет.

Хоть древние великаны и мудры, и могучи, а кое в чем от людей не отличаются.

– Я скажу всем своим, чтобы вас не тронули, но дальше на восток лежат земли, в которых я не властен. Там правят мои братья, жестокости в них больше, чем разума, и их вам стоит опасаться, – хримтурсен поглядел на Ивара испытующе, но тот не опустил взгляда, хотя внутренности похолодели так, что сердце едва не остановилось. – Но они вас не задержат... когда будете ближе к цели, помните, что лишь смертью делается смерть, и что тьма – это всего лишь отсутствие света...

Ивар нахмурился, пытаясь понять, что это значит, а Хормвитнир поднялся, легко и мягко, будто его тело было не тяжелее облака. Махнул рукой, вскинул на плечо дубину, и исчез в тумане, не тратя времени на прощания, и дымка начала понемногу таять.

Поднять дружину стоило большого труда.

Наведенный великаном сон был липким, как смола, воины зевали, терли глаза, то и дело пытались лечь. Немного очухавшиеся брели к реке, где умывались ледяной водой, и лишь после этого становились похожи на людей.

Дежурившие вторую половину ночи дозорные отводили глаза.

– У нас были гости? – спросил Нерейд, обнаружив рядом с кострищем отпечаток огромного сапога.

– Один, – сказал Ивар, – но очень большой...

– То-то я чувствую, пахнет чудно, – заметил Арнвид. – Зачем приходил? О чем говорили?

– Потом расскажу, – конунг глянул в сторону моря. – Ветер поднимается, надо уходить.

И только когда поставили парус, и драккар заскользил на восток вдоль изрезанного бухтами и усеянного скалами берега, он поведал эрилям про разговор с великаном. Ингьяльд покачал головой, лохматой, как воронье гнездо, Арнвид крикнул и принялся остервенело дергать себя за бородку.

– Ну почему не я? Почему он не меня разбудил? Я бы о стольких вещах его расспросил!

– Это же мудрый хримтурсен, а не дурак какой, – сказал Нерейд. – Он не собирался сгнать под горой из твоих вопросов, поэтому конунга и поднял, чтобы все коротко и по делу. С тобой болтать – даже у великана язык отвалится, а уши в трубочку свернутся, даром что со щиты размером.

Старый эриль глянул на Болтуна свирепо, махнул рукой.

Ветер держался хоть и очень холодный, ровный, сильный, и корабль шел быстро, вспенивал синие волны деревянной грудью. Висела в небесах крона Иггдрасиля, пылало крохотное солнце, с белых гребней срывало брызги, те попадали на палубу, оседали прозрачными каплями.

Заполдень увидели лодку, такую большую, что драккар убрался бы в ней целиком. Двое сидевших в ней йотунов проводили викингов взглядами, но за весла не взялись, и дорогу загородить не попытались, так и тянули сеть, в которой трепыхались похожие на капли из серебра рыбыны.

Потом на берегу открылась усадьба, обнесенная частоколом, и у Ивара на миг защемило сердце – напомнила о доме, где осталась Рагнхильд, сыновья, захотелось вернуться туда...

Тут все было как у людей, но размером намного больше, по пастбищу ходили коровы, белые и рыжие, за ними следил пастух, женщина несла от колодца

ведра с водой. Двое мужиков рубили дрова – исполинские топоры с лезвиями из камня летали вверх-вниз, кромсали стволы, летели щепки длиной с копье, доносился оглушительный стук.

И вновь – людей увидели, но интереса не проявили.

– Хормвитнир держит слово, – сказал Ивар. – Но как далеко тянутся его земли, и сколько нам еще идти?

Арнвид, нацепивший сегодня аж две накидки из шкур и похожий на кочан капусты, кашлянул и проговорил задумчиво:

– Насчет первого не знаю, а насчет второго – если ветер продержится, то завтра в полдень, не позднее...

Усадьба скрылась из виду, берег вознесся колоссальной волной из камня, встал обрывом куда выше любого хримтурсена, в море появились сначала отдельные льдины, а затем и айсберги. Поплыли навстречу, словно громадные куски сахара или соли, играя искрами на боках, осыпая поземку с макушек.

Пришлось лавировать, менять курс, а порой и браться за весла, чтобы уйти от столкновения.

– Откуда только берутся, – проворчал Ингьяльд, когда прошли между двумя айсбергами, не особенно большими, но утыканными ледяными наростами, и от этого похожими на огромных белых ежей. – Как из-под воды выныривают...

– А вон мужичок сидит, давай у него спросим? – предложил Нерейд.

Впереди берег вновь понижался, и там, где вглубь земли уходил залив, на камнях сидел хримтурсен. Не двигался, и так сливался со скалами, что Ивар разглядел, только напрягши глаза.

– Что-то выглядит недружелюбно... – начал он, и тут хримтурсен поднял голову.

Синим огнем полыхнули глазищи, и великан поднялся во весь исполинский рост – он казался больше Хормвитнира, оружия при себе не имел, а наряжен был

лишь в меховые штаны и плащ, бугрились чудовищные мускулы предплечий и груди, сжимались кулачищи.

– Люююди? – ветер принес отдаленный рев, и хримтурсен вскинул руки.

В них появилось что-то белое, начало расти, и вскоре великан сжимал огромный ком снега. Размахнулся и швырнул в драккар, точно снежок, тот полетел, со свистом разрезая воздух, за ним за клубилась белая дымка.

– Вправо! – крикнул Ивар, понимая, что этот тип куда более меток, чем давешние йотуны.

Гудрёд налег на рулевое весло всем весом, корабль накренился, едва не черпнул воду бортом. Кто-то из викингов скатился со скамьи, хрястнулся головой так, что искры полетели, загрохотали сложенные меж лавок весла.

Арнвид вскинул руку, стремительно нарисовал руну.

Пахнуло теплом, огненные росчерки охватили ком снега, и тот мгновенно растаял. Хлынул теплый, пахнувший грозой дождь, капли забарабанили по волнам, на мгновение скрыли хримтурсена.

– Ловко... – сказал Ивар, когда драккар выпрямился.

Гудрёд по-прежнему держал курс в море, и правильно делал – вряд ли великан ограничится одним снежком.

– Все равно достану! – донеслось от берега, и хримтурсен присел на карачки, положил ладони в воду.

Раздался треск, море начало замерзать – от исполинских ладоней побежали белесые разводы, на глазах твердея, обретая плоть, превращаясь в плиты льда, взбугрившиеся торосы. Воздух похолодел, дыхание викингов обратилось клубами пара, в вышине начали сгущаться облака.

– Ну и мощь! – воскликнул Ингьяльд.

– Ничего, и не таких уделывали, – прохрипел Арнвид. – Пусть он здоровый, как гора, мы тоже не лыком шиты.

По лицу старого эриля тек пот, руки подрагивали, но глаза были решительными.

Ледяные руки потянулись к кораблю, охватывая его спереди и сзади, не давая возможности уйти. Дружинники начали табанить, чтобы нос драккара не врезался в возникший на пути торос, Гудрёд повернул, собираясь выйти туда, где еще оставалась открытая вода.

Арнвид вскочил на борт, едва не вырвал из рук одного дружинника весло, и принялся чертить им прямо на льдине. Первую руну закончить не смог, слишком резво еще двигался корабль, но вторую дорисовал, и протянувшееся до берега ледяное поле надсадно захрустело.

В стороны побежали трещины, из них хлынула темно-синяя вода, белый панцирь раскололся.

– Наша берет! – радостно завопил Нерейд. – Выкуси, образина!

Хримтурсен на берегу испустил низкий злобный рык, распрямился в полный рост, и шагнул прямо в море. Громыкнули попавшие под ноги льдины, плеснули волны, принявшие в себя огромное тело.

– Никак, решил по дну за нами добраться? – сказал Ивар. – Так, работаем веслами! Лучники, к оружию!

Руны – вещь полезная, но в конечном итоге все решает схватка.

Великан шагал мощно, широко, отгребая в стороны льдины и небольшие айсберги, и море вокруг него кипело. Викинги налегали на весла, Гудрёд вел корабль прочь от берега, а Нерейд и Харек натягивали тетивы на луки, и выбирали стрелы подлиннее, помощнее.

Такие, что смогут пробить и рыцарский доспех, и великанью шкуру.

Ивар помнил, как намучались в Бретланде, пытаясь убить йотуна, и не сомневался, что с хримтурсеном придется еще сложнее.

– Ага, все ясно, – сказал Нерейд, выпустив первую стрелу, легкую, пристрелочную, чтобы разобраться с ветром. – На два пальца вправо... Харек, ты готов? Тогда бьем по глазам!

Драккар шел на север, великан топал следом, и вода поднялась ему до пояса, пена оседала на твердом, словно гранитном животе в валиках мускулов. Плащ из шкур волочился следом, и наверняка мешал, но уроженец Йотунхейма и не думал о том, чтобы скинуть его.

Первый залп прошел мимо, и Нерейд выругался, помянув срамные места Отца Богов. Второй получился удачнее, но обе стрелы сломались о череп, не оставив на серой коже даже царапины.

Хримтурсен по-прежнему догонял их, хотя топал с трудом, дышал надсадно.

– Подойдет ближе, начнем швырять копья, – сказал Ивар.

– Ничего, сейчас мы ему покажем, – Нерейд вновь натянул тетиву. – На-ка, получи, отродье Бергельмира!

Стрела ударила в огромный, с колесо от телеги, глаз, и осталась торчать, вторая зацепила веко. Великан заревел от боли, вскинул руку, сбился с шага, и стало ясно, что не догонит, не одолеет сопротивления поднявшейся до груди воды, если только не пустится вплавь.

Но плавать порождению льда и камня не суждено, скорее гадюка полетит.

– Отомщщу! – прокричал хримтурсен, и изо всех сил ударил ладонями по воде, затем еще и еще раз.

Вздыбилась волна, похожая на коня с белой гривой, понеслась вслед за драккаром. Ударила в корму с такой силой, что корабль клюнул носом, обдала тяжелыми холодными брызгами. За ней накатила вторая, уже слабее, лишь плеснула о борта да немного вымочила Гудрёда.

– Все, оторвались, – сказал Арнвид, и без сил опустился на лавку.

В лежащем положении старый эриль пробыл до вечера, а когда пришел в себя, драккар так же шел на восток, вдали тянулась земля, и умерившее яркость солнце готовилось уйти за нее.

– Хе-хе, – сказал он, открыв глаза. – Там, я знаю, было пиво... пара глотков вернет мне силы.

– Знаем мы твои глотки, – пробурчал Нерейд, – каждый в бочонок размером, так что не напасешься на тебя...

Но сам же вытащил бочонок, наплескал в кружку пенного напитка.

– Решили сегодня рискнуть, идти ночью, – сказал Ивар, когда Арнвид утолил жажду. – Светло, все видно. Подходить к земле слишком опасно, уж больно местные нам рады.

– Точно бонд – свинине, – вставил Болтун, но на его реплику никто не обратил внимания: привыкли, что язык у рыжего викинга не только без костей, а еще и длиной со стол в доме конунга.

– Разумно, – старый эриль поднялся, глянул в сторону суши, приложив ладонь ко лбу. – А помнишь того коротышку, Гримгельмира, так рвавшегося сюда, что он через океан поплыл?

– Помню, как же.

С полукровкой-великаном они столкнулись, когда гнались за кровным врагом Ивара, Храфном Прямым. Сначала обошлись как с недругом, потом вместе сражались с кровожадными богами расположенной далеко на западе земли, где не знают лошадей, колеса и стали.

– Интересно, добрался он до родичей? Устроился тут? – Арнвид закашлялся.

– Сомневаюсь, – Ивар пожал плечами. – Очень часто то, к чему так стремимся, оказывается совсем иным, чем представлялось в мечтах... Слишком уж он мелок по сравнению с местными, признали ли за своего?

Гримгельмир, приходившийся внуком самому Вафтрудниру, противнику Одина, доставал конунгу макушкой до груди, но при этом умел оборачиваться великаном, силой обладал невероятной и знал древние руны.

Но хватило ли этого, чтобы местные приняли за своего, а не раздавили словно червя?

– Да уж, сомневаюсь, – старый эриль опустился на лавку, морщинистая рука потянулась к бочонку. – Эх, выпью я еще, а то во внутренностях сухо, точно в земле серков.

Когда солнце ушло за горизонт и наступили сумерки, Ивар отправил спать половину дружины во главе с Гудрёдом, а к рулю встал сам. Давно не водил драккар, хотелось ощутить власть над стремительным морским зверем, что откликается на малейшее движение руки, слушается, как обученный конь.

Ветер дул попутный, парус исправно толкал корабль вперед, так что приходилось лишь слегка поправлять курс. Даже оставшиеся бодрствовать дружинники дремали, лишь изредка то один, то другой вскидывал голову, бросал взгляд на воду. На носу бодрствовал Арнвид, сидел в обнимку с бочонком пива и что-то бурчал – то ли молился, то ли подбирал слова для очередной висы.

Ивару спать не хотелось, тело полнила холодная, морозная бодрость.

Около полуночи над сушей встала призрачная исполинская радуга, похожая на гигантский мост. Рядом с ней чуть позже возникла еще одна, более бледная, за ней третья, вообще еле различимая.

– Что это? – дрожащим от страха голосом спросил Тормод Волокуша.

– Хримтурсены надеются добраться до Асгарда помимо Бифрёста, – ответил Арнвид. – Вот и ищут, создают пути, да вот только не выйдет у них ничего, слишком уж они тяжелы...

Радуги погасли, сгнули в том же порядке, что и появились, зато начали попадаться айсберги. В первую очередь обычные, затем настоящие горы изо льда и снега, чьи вершины едва видны, даже если задрать голову, потом вовсе странные – будто освещенные изнутри.

По морю плыли словно хрустальные глыбы, внутри каждой тысячи факелов – красноватые, нежно-зеленые, как молодая листва, темно-багровые и цвета того фрукта, что растет в теплых землях и называется персиком.

Когда Ивару надоело лавировать меж них, свернул к берегу, где вода оставалась чистой. Парус пришлось на время спустить, а дружинникам – немного поработать веслами.

Суша приблизилась, надвинулся обрыв высотой как раз с три мачты, если их поставить друг на друга. Стало видно, что у его подножия, на мелководье разлеглись странные звери, похожие одновременно на китов и лягушек, разбросали перепончатые лапы, выставили лоснящиеся спины.

Ближайший приоткрыл глаза, светившиеся, точно гнилушки, распахнул пасть, где убрался бы дом.

– Мы просто идем мимо, никого не трогаем, – сказал Ивар. – И вообще тебе приснились.

Громадный зверь озадаченно мигнул, опустил веки, зато соседний заворочался, забил хвостом размером с парус, поднимая волну. Третий зевнул, щелкнул зубами так, что эхо завозило в ущельях берега, а шорох побежал по морю, оглаживать бока светящихся айсбергов.

Когда тех стало поменьше, Ивар отошел от суши – береженого асы берегут, да и ваны приглядывают. Разбудил себе на смену Гудрёда, тот поднял дрыхнувших до сего момента дружинников.

Конунг же улегся на лавку и натянул на себя одеяло.

Проснулся от дикого рева, в первый момент решил, что вновь сошлись с кем-то местных чудовищ, и оно радостно вопит, радуясь, что обед сам чуть ли не в рот лезет. Затем только сообразил, что драккар накрёнен очень уж сильно, и что это ветер воет так, как и дюжине драконов не под силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazakov_dmitriy/solnce-cveta-l-da

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)